

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1926
№

13/14

"МОЛОДАЯ
Гвардия"

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

БЕСЕДЫ ВРАЧА

Г. Капу (Ростов и Дону). Напечатаем «Распахнувшийся мир».

Н. Тихомирову (Ленинград). В стихотворении совершенно отсутствует поэтический подход к теме, преобладает простая рифмовка прозаических фраз.

Р. Маддешму (Свердловск). Впечатление от рассказа нельзя считать удовлетворительным, и не в литературных недостатках тут дело. Положительный тон комсомольца ты слагаешь из таких деталей, о которых приходится очень задуматься. Скоропалительность, рвачество, наплевательская заминка—очень даже о себе.

Твой паденье «до комсомола был «головорезом», «мускул скользели киньи и он знала исход, уйди на фронт», после фронта ему «привыкшему к великолюку, к мировым событиям» «виду както стало» и потом в «новой жизни» он склонялся «что надо развивать и что уничтожать и т. д.»—это очень сомнительные качества. Твой парень—«партиец с 17 лет и комсомолец с 13-ти»—совершенно не убеждает читателя и вызывает большое недоумение: действительно ли таков положительный комсомолец? Думаем, что ты ошибаешься.

И. Шакирович (г. Йозадж). Текста разработана «чересчур сантиментально». Исклюю Ольгу, совершенно не показаны действующие лица. О них даны лишь обрывочные намеки.

Авантюристская фабула должна быть более спокойной, иметь больше «неожиданности» в своем развитии.

С. Анисимову (Свердловск). Пишите ты очень слабо. Нужно стать грамотней, хорошошко подучиться, а то твои стихи выходят не революционными, а с «хмельными» тонами. Например, пишешь, что Ленин умер «в борьбе яицкойской»—ведь так можно говорить о каком-нибудь чеховском герое; что борьба эта была «головоломной», что он хотел «заплыть угоранием»—но это не другое, а передает действительного смысла, который тебе хотелось бы изложить в строках. Пока учись, думаем, что твои «светские» стихи, как ты «непривычные», выразились, также плохи.

А. Дьякову (Ленинград). Рассказ написан с явно недоработанным к побывавшим интересом к половому вопросу. Отношения парней и девушек смакуются так, как они смаковались в дореволюционных бульварных романах. Живых же людей нет, есть только скелеты.

П. Бутиарю (Чита). Тема плохо разрешена: конец вышел чрезвычайно проворованием. Плохо показано нутро эволюции Матвеевым в положительную сторону. Многие зарисованы черезчур внешне: бандитизм Пенинина. Поместить рассказ «Куда извозчики привезут—повторю письмо».

Л. Айсикову (Черкасы). Рассказ для «Смены» не подходит, следите за журналом, чтобы знать, какие вещи для нас интересны.

В. Устинову (Иваново-Вознесенск). Напечатать не можем. Стихи подражательны Есенину и

бледны. Манера Есенина в них разжижена, нового она не дают мало. Увлекшись напыщенностью, вы упустили засланные и скрытые в обработке темы.

«Тамбовскому». Ваше стихотворение следует напечатать в следующем.

Л. Туркменскому. От машины, которой написан присягенный оaths, сошли с места. Весь переселенец, слишком злоупотребляющим яицами и мечтами—сладечками, искающим смысл изображенного. Получается, что ребята както-то борются, которые «лаются», попираются на кружках: «сы пялеть (?) слюной» на слушателей, комсомольцы «гастролируют» по СССР и пр. Такие приемы вовсе не помогают изображению даже историй о пьянстве.

П. Мартынову (Таганрог). Прежде всего надо тебе учиться.

П. Риветтипу (Севастополь). Советует серьезнее заняться работой над стихотворениями, лучше усвоить современные требования и к содержанию и к технике стиха. В настоящем время у вас часто чувствуется устаревшая техника, написанность и агитка, напр., «Быстро-ко силь»—несовременная цель «стихийной испытания».

Настраивания же хорошие, но они требуют более гибких приемов.

М. Григорьеву (Севастополь). Рассказы слабо композиционно построены, фактический материал, которым вы обладаете, очень интересен, поэтому в рассказе-записи не чувствуется законченности и отсутствуют центральные положения. Больше внимания сюжету и больше изобразительности.

Б. Деригину (Ленинград). Серьезной поэтической работы ни в «Хородже», ни в стихотворениях твоего не вижу. Преобладает как-то сформированная агитка, часто местного характера. Быть может, что ты только к этому и привык. Избегай залихватских и крайне неправдивых выражений: «старатели! Да на оно ли я», или «смел... плюсом».

Ф. Ванину (Тверь). Стихотворение не плохо, но настроение его уж очень испытывают, читается как-то очень известное. Напечатать не можем.

А. Ермакову (Москва). В твоих стихах преобладает искажительно случайный подбор образов. Много ящных непривычностей. Нар., в стихотворении о городской весне у тебя и «голубоглазые ветераны», а «каменные коридоры улиц» и «куриные ветки», и солнце в сарафане и оно же как «кепка комсы» и пр. Допустимо ли такое смешение? Возможны ли и такие строчки. «Но ведь и не дождаться помощи и звезды»—полное искажение звуко-вой стороны стиха.

Л. Кондратьеву (Астрахань). Стихотворение и ваша оценка его могут вызвать только недоумение. Та искренность и «чистота», которыми вы захотели настроить в сти-

хах.

Иллюстрации: В. Ефанова, П. Староносова, М. Храпловского и П. Юмкина.

Снимки: З. Чебаева, Э. Тисса, «Wide World Photo», «Trot Sports».

Обложка работы В. Добролюбского.

Приват-доцент Н. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ

3. Член ВЛКСМ г. Белоярск. «Как избавиться от трех мерной сонливости?» Часто сонливость является в результате чрезмерного умственного или физического переутомления, то необходимо общее укрепляющее лечение.

4. Народу ст. Пинск. «Как можно свести волосы ног и др. частей тела?» Существует целый ряд средств для удаления волос, которые присыпаются врачами и виду симметрии их не могут быть помещены в журнале.

Наилучшие результаты получаются рентгеновскими лучами и электричеством (электролиз).

Наиболее простым и удобным средством является ежедневное взятие ванны водорода (перегрев 40°/с), волосы при этом становятся сметливые, гладкие, меньше бросаются в глаза и в конце концов исчезают.

5. Толину, Армавир. «Не является ли действие персидской грязи и большинства других лекарственных средств лишь временным. Рост волос не прекращается и даже более не наблюдается более энергичный, раз более грубых и толстых волос. Поэтому рекомендовать употребление персидской грязи мы не можем.

Лучше всего действует упомянутые перекиси в чистом виде в виде мазей (см. выше).

КНИГИ

ПОСТУПИВШИЕ НА ОТЗЫВЫ

(Государственное Издательство

Универсальная библиотека

М. Горький. Сторож. Рассказ (№ 79—80), стр. 124, 1, 20. Б. Пильский. Рассказ о книге и глине, № 92, стр. 58, 1, 10. А. Тарасов-Федорович. Трава и кровь (Линея) № 73—75, 1, 30 коп.

К. Беркович. Кино-альбом. Рассказы, № 87, стр. 64, 1, 10 к. Дж. Уильямс. Подземные ж. № 81—84, стр. 223, 1, 45 к. А. Штернберг. «Звезда»—роман о любви мужа. Напечатан не был.

Я. Штернберг (Саратов). Рассказает протокольное изложение фактов. Между тем писатель должен организовывать факты так, чтобы овладеть вниманием. Не пойдет.

ОТВЕЧЕНО ЛИЧНЫМИ ПИСЬМАМИ.

Н. Бучель (Москва), А. Бердникову (Кронштадт), Б. Милонову (Одесса), И. Гальку (Севастополь).

А. Янчиковатов. А. Блок, стр. 116, 1, 60 к.

Г. Якубовский. Литературные переписки. Пушкин в марте

литературе, стр. 408, 1, 4 к.

В. М. Фриче. Шекспир, с. 114, 1, 60 к.

А. Янчиковатов. А. Блок, стр. 116, 1, 60 к.

Г. Якубовский. Литературные переписки. «Кузини», стр. 151, 1, 40 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Л. ГУМИЛЕВСКИЙ — Хозяева. Р. РОМАН — Миллионщик. Н. БОГДАНОВ — Сшиби-Колпачэк. Е. ДРОЗДОВСКИЙ — Будем строить советские машины! В. РЕЗНИК, «Круглоголовые» и «кавалеры» (английская буржуазия в борьбе за власть). Е. А. КУДИНОВ — Морские артиллерии (из истории флота). Ю. РАППЛЬ — Что такое линейный корабль? Н. ИВАНОВА — Куда ехали летом? — На Мурмане. Б. ПУННИН — О классиках («Избранные произведения русских и мировых классиков»), ГИЗ, 1928. Б. НАБАТОВ — 25.000 километров по воздуху (Большие советские перелеты). В. МУРАЛЕВИЧ — Борьба против Амурской Северной полосы). Б. ГРОМОВ — Призы в легкой атлетике. О. ПУШАС — Навязчивая идея (Подзимний выпуск).

Иллюстрации: В. Ефанова, П. Староносова, М. Храпловского и П. Юмкина.

Снимки: З. Чебаева, Э. Тисса, «Wide World Photo», «Trot Sports».

Обложка работы В. Добролюбского.

Отв. редактор Л. КОЛЕСНИКОВ,

Главлит № 66360.

5-я типография «Транспечат» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4.

Тип. 14.593

— Ты что? — рассеянно спросила она.
Он оторопел, но тут же оправился, загораясь
сухой злостью.
— Я, кажется, каждый вечер к тебе захожу!
— Да мы же виделись, — попривесила она, —
я думала ты совсем ушел.

— Поэтому ты со слезарем и пошла...
— Я же сказала, что дело у меня к нему.
— Насчет изобретения, — язвительно подчеркнула она.

— Да... — не очень уверенно ответила она.
Он не заметил этого и хихиканул:

— Понапрасну ходишь, понапрасну спуствай бывши! Ничего не выйдет!

Почему это?
— А это уж мое дело!

— Ты, что ли напакощишь? — грубо спросила она.

— Может, я, может, другие...
— Зачем же это?

— А чтобы не называлась!

Он сунул на затылок картуз и, покачиваясь на тросточке, хихикнул победоносно.

— Какой ты злой, какой ты скверный,

Володька!

Данька затахнул.

Она отступила к двери и, открывая, остановилась на пороге:

— Больше ничего?

Он вскочил на ступеньку, схватил ее за руку и, сдернув грубо вниз, захлопнул дверь. Он застыпался от движения и злости:

— Не дури, Анка, слышни! Попробуй

только еще с ним ходить...

Она села на ступеньку и закрыла лицо руками. За спиной, в общежитии стонала, извиваясь в душевой пустоте, Наталья и здесь впереди томились в пустой безумной злости Володьки. Она прислушалась, думая о своих:

— Ой, какая скучка с вами...

Волodyка не слышал. Он сидел на нее грудью бестолковых слов, облитых ядом обожженного себя любовью.

Анна, не дослушав его, встала. Ночь потеряла свою прозрачность и смесь, болезненно желтый свет глазами фонари пронипал ее насквозь, как Володьку бесплодная злость. Володька схватил ее руку. Она тонула его в грудь, и он отступил так далеко, что она уследила до его нового нападения уйти и, захлопнув дверь, надожать крючок.

В коридоре погасли свет. В комнате были прерваны матовые рожки. Анна прошла в свой, угод.

Наталья лежала, как прежде.

Когда Наталья перестала всхлипывать и затихла, Анна выпростала лицо из-под одеяла и вынырнула в тиннину, как на солнечном полде из холодного подвала.

Утром в этом свете, она заснула и от тепла ее проснулась.

Наталья уже не была в постели.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Весеннее счастье

СИЗЫЕ от зимней стужи, копоти и имен стекла окон были промяты, рамы выставлены и заброшены на чердака. Зинаида выстроила заново и заново накрахмала, парни и девушки в малороссийских костюмах, вытыканые на них, снова стояли гордо и прям. Ночами их вспахивали в саду, а утром втихомидке перед открытыми, жаждущими глазами Анны.

Данька, возвращаясь из машинного отделения или отправляясь в клуб на репетицию с капретом в кожаном футляре под мышкой, останавливалась у окна, вызывая Анну, спрашивая:

— Что слышно?

Она, ульбаясь, качала головой. Он, насупив брови, с досадой говорил:

— Не вызывали еще тебя?
— Нет.

— Сами ты не спрашивалась?

— Говорят, что скоро рассмотрят.

— Найди! — Данька презрительно и тихонько приводил ее к окну, — парод! Не знаешь, почему так?

Городков, например, пакостит как-нибудь...

— Городков! — гулко издыхал Данька. — Городков!

И какой шум тебе с ним склеил только...

Серые Аннины глаза, опустившись, не поднимались от высокобелого начисто подоконника так долго, что Данька успевал забыть о Городкове.

— Ну, ладно. Погодим еще недельку, а там я сам за них возьмусь.

Он поворачивался уходить и она спрашивала не очень твердо:

— А ты куда, Данька, идешь?

Если он шел в клуб, то он только прижался

головой, на которую с трудом нахлобучивалась фуражка, бормотал:

— На репетицию, вот!

Тогда Анна молчала. Если же он возвращался из машинного отделения с черными руками в замасленной синей рубахе, то отвечал, дергая плечами:

— Да кудах теперь. Домой, значит.

И тогда Анна прорвала сорвавшись с места, накинувшая платок и говорила, наспех захлопнув окно:

— Ой, погоди, Данька, я с тобой пойду.

Верял ли он ей или нет — трудно было догадаться и даже лукавую ее усмешку встрясл на недоумевающие взгляды. Но он подкладал ее на палисадницу, шел рядом с нею и только осторожно отстригался от нее, чтобы не зацарапать ей белого плаща замасленнейшей своей рубахой.

Весенними вечерами поселок не затихал до глубокой ночи. Ни скамейках и тумбах, на грудах неубранных кирпичей, на железных столбах, приготовленных для трамвая, одиночками, парами и компаниями сидели обитатели маленьких двухэтажных домиков с палисадниками.

Данька искался поглядывая по сторонам, машинал в теплой кепке, раскладывая знакомым, а Анне говоря с тихой усмешкой:

— На час без работы осталась человек и не знает, куда сядеть.

Данька доходил до переулка, в котором жил, и, задумавшись на секунду, говорил:

— Ну, или по своему дому, а я пока добегу, вымьюсь и дожду тут тебя.

Она ни о чем не спрашивала; он говорил вслед:

— До роции добейдем, — то там, поглядят бы!

Она уходила как-будто по делу и возвращалась с минуты на минуту, ждала, обходя машинный кратерчиками кругом, когда покажется Данька. Она выходила выпытый и передергнутый и неизменно с капретом в руках.

— Надею очень дома я всем с этим дурдой. Там в конце потянуло! — и, заботясь о ней, приводила, — на эту штуке некоторые музыканты так даже концерты делают. Я слыхал. Это не то, что труба или контрабас какой.

— Играй, я послушаю.

— Послушай, вот в оркестре: хороший который музыкант, он в каком хочешь оркестре, хоти и на человек, каждый инструмент слышит.

Мастерством всякого рода был пленен этот слепой, и когда он играл, его сквозило восторгом к чужому умению.

Сидели на красных грудах рассыпанвшейся от дрожащих монастырской стены. В молодую листьев корявого дуба над ними скисло светло-синее небо и в просветах рощи угасало последнее зарево засыпающего дня.

А Данька уже складывал капрет, прорубая трубы и готовясь начать бормотать смущенно:

— Это я на пароходе слышал, капитання нянгравала. Жалостный мотычек, складинный. Я его там помнил, что по слуху подобран.

Он старательно выигрывал певчий дуэт Помпеи из «Никовой дамы» и серые глаза Анны наполнились огненным вечером.

Потом уже одно за другим перенягав все, что знали, поднималась с трухой тяжелый. Говорил:

— Пойдем, Анка, сыр еще есть!

На ходу он забыточно, как ребенок в постель, укладывал инструмент во фланелевое внутрь футляра и шел рядом, уже не боясь толкнуться об Аннию плечо.

— Беспременно, Анка, что я влюбимся в тебя, — говорил он вдруг глухо и торопливо, — никогда мне от девушки такого интереса не было.

И, снова изумляемая мастерством природы, лежавшей на таком простом событии, как встреча с девушкой, — такая превразную приятельство, она приводила оторванные от земли капреты, боязливо, боязливо, они поглощали и покачивающиеся на ходу рядом с ним, смеялись над ним девушкой.

Как-то в поселке, в переулке встретился Володька. Он, задав голову и крьтась на тросточке, оглядел голову и синяк с прерывистым удивлением.

Они прошли молча, почти не заметив его. Он крикнул в дугонку им с хохотом:

— Изобретатель!

Данька покачал головой и ничего не сказал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Свой и чужие

НЕИЗВЕСТНО, сколько бы времени дожидалась Анна ответа на свое заявление, если бы Данька не послал председателю производственного совещания ядовитую записочку:

«Где заявление Анны Рыбновой, на которое у нее расписка есть, и какая по немурезизация?»

Аннино заявление вымыло, наконец, в технической комиссии.

Туда и вызвали Анну.

Она пришла, поклонилась, расктузала платок на голове, чтобы высунуть уши. Инженеры заставили Анну сесть за стол и за столом говорить.

— Хорошо, — сказал, высунув ее добродушный, поросший усами, бородой, инженер, — вот план стакана, вот чертежи всех его частей, как вы сделаете тут ваше приспособление?

Данька сунул в карман кепчу, перевернулся с улыбкой, как можно было быть смешнее. Анна испыхнула, но тотчас же увлеклась и с размахом стала рассматривать, где вершине, где батал.

Молодой инженер помялся, ворождая плащами, плащами, молчал. Другой же подправил и радушно показывал и обяснял, удивляясь этой толковой работнице, цепки которой горели от волнения и молодости.

Анна вздохнула, наконец, и отодвинула чертежи:

— Я заявляла, что на машине приспособление можно сделать, а не на чурчже. Машину я знаю, а тут такое испытание.

Как же, — вымыть, — высунуть клубы дымы, сказал молчавший шаткий человек, поглядывая на инженеров.

Анна встукнула, наконец, и, отодвинув чертежи:

— Дайте мне пользование на машине попробовать!

Молоденький инженер всхмыкнул:

— Как мы вам станем доверять? Как вам без чурчже приспособление делать будем? Сам вы, что ли?

Он недумал, торжествующе оглядывая сбранное и эти упрямую девицу, отнимавшую, как ему казалось, без толку время. Она спокойно ответила:

— Даника сделает?
— Какой Даника?

— Слесарь наш.

Пожилой инженер кинул «головой»:

— Знаю, способный мастер.

Он подумал, спросил:

— Так же же, товарищи? Давайте разрешим попробовать под личную ответственность изобретателя.

Инженер вскочил и, застегивая тужурку для пущей официальности и значимости своей речи, заговорил раздраженно:

— Как же ответственность людей, которые и чертежи не представили и, как видно, не имеют даже представления о них. Кроме того, я уже говорил, что насколько я понимаю и расшифру, приспособление такого рода вообще не возможно, как обременительное для движения. Простая формула...

Он говорил долго, Анна слушала, плохо понимая. Пожилой же инженер больше приводился к Анне, чем слушал. Когда же тот кончил, он тихо заметил:

— То, что по нашему вычислению кажется иногда неудобным, отлично может годиться на деле. Люди, знающие машину, часто обходятся без вычислений и иногда даже, вопреки им, делают по-своему... Тогда оказывается при доказательстве, что вычисления были не совсем точны. Люди, которые знают, что у каждой машины своя... пропорция...

Анна кинула головой, ульбаясь.

— Приспособление никак не грозит порчей станки, — продолжал тот, — так что просьба ни кем нечemu не обязывает.

Шаткий человек, оказавшийся представителем комиссии, жмурился кинул головой и никто уже больше не возражал.

Данька ждал ее у ворот.

— Ну?

— Готово!

Серые глаза ее кружились и сияли победоносной радостью.

— Ой, Анка, и молодец же ты! — вскрикнул он.

— Буду молодец, коли оправдаюсь! — глухо замигала и приводила, — да коли ты поможешь!

— Сделаем! — буркнул он, наливаясь супровой деловитостью, — это уж как пить дать. Пойдем глядеть...

Они молча дошли до фабрики, глядящей огромными ярко-освещенными окнами нового корпуса на улицу.

Прошли в ткацкую, где работала Анна.

Анна подозоровала с работницами. Данька же заложил руки за спину и винил глазами в стакан. Анна начала было ему обяснять, но он молча отмахнулся от нее.

Она спокойно ответила: —Данька сделает, наши слесары!

Челюк вышел. Привычная к этим вылетам работница ловко заправила его обратно, выложив станок и связав нитку.

Данька не преминела.

Работники загородили к нему, как к тумбе, перестали откладываться. Он потихоньку поманил себе Анну и «Пепроса»:

— Ну, так что ты тут придумала?

Она рассказала. Данька выключил станок, обшёлся его, опнулся, просмотрел каждый кусочек, подлез под низ, вынул складной аршин, примерял батан и вершил... — вркнул куцым кранцом на бумажке и — буркнул Анне:

— Будет, понял! П

ГЛАВА ДВА ТАБЛЮДНЫХ?

Что и ноги венчало, то бледных?

ОЧЕНЬ мне загорелось, —тихо сказал он, выходя из ней на улицу, — сейчас и займусь. Дома у меня верстаком — гоголил бы, да царя пальца буду почкою, соседи заругаются... Слесаря закричат — не мешают в машинное отделение итти! Там у меня инструмент оставлен...

Поехал, ладно.

Анна чуть-чуть дрожала не то от ожидания волнения, не то от ночного холода. Данька, наступивши, шел, не отнимая сномкнутых рук от спины.

Ежели бы успела примерить, пока вторая смена сработала, так я тебе, — поставил бы ее на место. Тебе при работе видно было бы, как и что. С чего ничего не делается.

— Я веду, —принадыгалась сколько раз.

Семь примеры — раз отрем.

Чем ближе к машинному, тем глупее гудела под ногами земля. В открытую настекль дверь надал синий искришечко света. На свету широкоплечий кочегар, занимая всю дверь от порога до притолоки, курил цигарку, дишацкий ночной смехом и с любопытством смотрел на подхвивших.

С удивлением пропустил Даньку и Анну. Данька спросил на ходу:

— Что фильтра?

— Рабочий...

— А, который час?

— Однинадцатый...

— Успеем, примеримся, —вздохнул Данька и провел за собой Анну в соседнюю с машинным подвалкой, глухую мастерскую. — Ну, гляди теперь, и покажывай, что тебе надобно...

Он перебрался в засаленную кочегарскую проходежду и задумчиво собрал на верстаке инструмент.

— Неудачный человек, —сказал он, машинист, — что еще полуночник надумал?

Данька выбрал стальной пластинку подхоящих размеров и, примеряя ее по записанным цифрам, кивнул на Анну:

— Этак она вон.

— Что она?

— Механики придумали к станку, чтоб человек не вылетал.

Анна посмотрела на пластинку и ногтем черкнула на ней полуполу:

— Это вышло надо тут.

Данька подумал, покачал головой и, начиная работу, поклонился к машиннику:

— Гляди, пожалуйста: видят ты этаких девок на свету...

— Вот виду...

— Ну и гляди, только не больно пристально.

— Слажко боишься?

Она переглянулась и засмеялась. Анна смотрела на спорные Данькины руки, перебирающие инструменты. Они быстро превращались в сталь в ту самую вещь, которая давно уже торчала у ней перед глазами и день и ночь.

Машинист ушел. Данька мурлыкал песенку, не отрываясь от работы. Анне нужно было немеренно трогать ее рукою, чтобы он мог слышать ее. Он оглядывался на нее с улыбкой и спрашивал:

— Ну что?

— Срежь тут еще капельку.

— Срежу.

— Лучше велику делай, чем тогда заново ре зат.

Он слушал ее без усмешки и с какой-то мужской гордостью; девушка сидела на верстаке, она чувствовала здесь себя не лишней. С ней обращалась из муской спокойствием к бабам, затея и одного этого было достаточно, чтобы виски ее приобретали мускую подвижность и остроту.

Машинист зашел, сказал:

— Данила, ты пошевеливайся: вторая смена кончат скоро. Закроем машинное через час полтора.

Данька вскочил через минуту.

— Готово уж, —он показал Анне скобку. Это пока на скорую руку. Там мы ее примерим и приспособим, сделаем усовершенствование. Пойдем.

Они пробежали до фабрики без передышки, без слов. В карманах у Даньки звякали поход-

ные инструменты и рук не хватало, чтобы их все придержать.

Усталые люди, дорабатывающие последние часы своей смены, встретили их усталыми взглядаами. Девушка охотно освободила станок. Данька тотчас же принялся за работу.

Анна стояла над ним, дрожа и вспотев.

Они не замечали шума и гула. Они не заметили гудка, не обратили внимания на прекратившийся гул, на уходящих рабочих. Данька сверзил скобку, крепил ее к вершинку, посыпаясь. Анна подавала с полу ему инструменты без его просьбы, точно всегда с них работала и знала, угадывала, зачем тянется к ней винт [машина] сплющенная рука.

— Готово, Анна!

Он спрыгнул на пол, забрал инструменты и, заложив за спину руки, полюбовался работой.

— Угадала ты, поможет, —засмеялся он, — пойдем.

Она спустилась вниз, счастливые и притихшие.

Медленный рассвет бродил синими тенями в солнечном поселке.

Анна остановилась возле дверей общежития.

— Стучать не охота. Будут девчонок не хочется... и не дастучьши.

Бессонная ночь была переселена. Она смотрела на Даньку. В утреннем свете, резко прочерченное усталыми морщинами лицо его было по-новому мило. Он не отвечая, о чём-то думал.

Она села на ступеньку, сказала:

— Ступай, Даня. А я тут по утру посижу.

Скоро, должно быть, гудок будет.

Данька, не слыша, подошел к ней и поднял ее обмыли. Она встала, немножко пугаясь, положила руки на его плечи и взглянула прямо в глаза.

Ты что, Даня?

— А ничего, Анка, —он улыбнулся и, снимая ее с крыльца на землю, ответил с веселой решительностью, — а не уйти нас друг от друга все равно. Пойдем, Анка, ко мне.

Она опустила глаза, прикрыла их ресницами, словно задернула светлые окна прозрачным тюлем.

— Я в окно лазию, как поздно прихожу.

Идем, Анка, хочешь?

Она, поколебавшись одну секунду, прошептала здружившись:

— Данька, ведь, это уже на совсем тогда?

— На вовсе, —подтвердила он спокойно.

Она оглянулась на дверь, на девчичь, завешанное тюлем, окно и тихонько взяла его под руку.

— Пойдем, Даня.

Он присел к себе ее руку, восторгаясь чудесным мастерством, с которым жилия вставали из простых человеческих чулок таких подхордий к общей машине людей, как Анка. Она улыбнулась и пошла рядом, не сводя глаз с зариевшего неба.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Хозяева и работники

ДВА ДНЯ на шести станках представитель технической комиссии проверил Анину приспособление.

Члены не высказывали.

Встреча с представителями Анны заседала комиссия с членами производственного совещания. Молоденый инженер угромо молчал. Обследовавший на работе приспособление инженер доказывал и показывал выверенные им чертежи. Анна посмотрела на них, вздохнула чуть сплюнула:

— Кабы мне так рисовать...

Докладчик же заключил:

— Полагаю целесообразным оборудовать все станки таким же приспособлением.

У Анны облилось теплом сердце и загорелись огнем кончики щёек.

Она ушла, не помня как. Из переулка оглянулась на фабрику.

За её спиной в надвигающемся вечере горели пурпурные светло-желтые этажи нового корпса. Глухо гудел воздух, сотрясался работой машин, вертели и членов. Анна отвернулась от них красног: «вот все они будут теперь с моей скобой» и не будут девочкам капанительством с членом... и пошли, низко наклоня голову, как будто боялись, что каждый встречный будет ее останавливать, спрашивать и говорить:

— Ай, да Анна,—вот молодец!

Эти два дня, действительно, в тихую к станку, оборудованному Анинным приспособлением, приходили инженеры, фабкочки, рабочие связи и чужие.

Больше не вспыхивал, в этом давно уже, все убились, и от скучной машины взоры всех приходящих немедленно обращались на Анну.

Павлушка, забежавший на минутку в кубу, отшвырнул носком и спросил с хитрой улыбкой:

— Сколько запросила с них?

Она не поняла бы, если бы спрашивал другой, но хитро Павлушка лицо и вороватые, бегающие, как мыши, глазки помогли ей понять. Она покачала головой и показала племяннику:

— Не продадут! — ушил он.— Обязаны дать награждение. Дери вонючие шкуры. Принимают будут—говори, что моя Порецаев мануфактура возьмет—за такие деньги... Вот!

— Хорошо—утыкалась она, чтобы какнибудь от него отаться,—не продешевлю.

— То-то, гляди!

На лестнице, при выходе, в толпе подходили и Пахомов. Он вытер жаркий свой череп, покачал головой и спросил:

— Неужто сама все придумала?

— Сама! Только Данька сделать помогал.

— Данька?

— Да!

Он ничего не прибавил, но отошел с пустыми глазами, устремленными куда-то далеко, должен быть, в свою собственную юность и покачал головой.

И этого слишком большого, слишком неожиданного впечатления стыдилась теперь Анна.

Только, проходя мимо общежития, подняла она голову на свое окно. За чисто промытым стеклом, склонившись над столиком, виднелась незнамая чья-то голова.

— «Уж занял кто-то»—подумала она.

За углом, в косом переулке на Даныином окне, разевавшей победоносно от сквозняка фортуке, висела тюлевая занавеска, мятро-серийскими парижскими деревушками.

Анна забылаась ей и перешла улицу с застывшими весенними кощунствами, теперь высокими и жесткими, как камень.

Даньки дома не было, соседка передала ей ключ, сказала усмешливо:

— Как же вы не встретились: Данила Матвеевич за вами на сопрано пошел.

— «Не надо было мне мимо общежития ити»,—подумала Анна и улыбнулась, оттряхнув дверь:—разошлись, с зачином.

Данька вернулся нескоро, расстался с детьми:

— А я ж до конца собрания сидел, думал там ты.

— Как же я бы досидела...

— Я хотела тебе сказать...

— Да уж знаю: на все станки будет сделано. А делать кто будет.

— Кто?

— Да, вот кто.

— Кто? Даня! Неужто же ты?..

Он рассмеялся, ткнул себя пальцем в грудь и бежал прочь.

В гостиной он сидел против нее за столом и смотрел на эту девушку, на эти новые стены, преображеные тюлем, на эту комнату, переполненную новыми вещами и ульбаси всему.

Маленький герцег его отодвинулся в угол окну, на его же месте взгромоздилась какая-то этажка с книжками. И вся собственная его жизнь раздвинулась, чтобы впустить Анну. Тенер был взволнован мастерству, с которым вошли в его жизнь эта девушка, и слушал ее.

— Теперь так будет, что все станки с моей штукатуркой работают будут...—говорила она,—а мальчишний этот инженер наступился и все время молчал, — а я сидела иду я, глухо на фабрику и чего в ней стояло нет, а дальше я, как вспомнила как собаченка... Меня, как девчонкой сюда привезли, как я к воротам этим подходила, так меня лихорадкой начинила трясти—болелась: вот выгонят, вот назад в деревню просыпие лепешки есть...

Он кивал головой, молча и изумленно проложил разглядывать ее. А она рассказывала то об одном, то о другом, и речь ее, как река в половоде, переполнила ее члены и ушла на конец края.

Стекла окна с грохотом, звоном и стоном разлетелись вдребезги. Мимо Даныиной подпертой руками головы переполнил камень и ушел на пол к Даньке. Анна.

Она заскрипела в недоумении, не вскрикнув даже от испуга.

Данька же, не вставая, посмотрел на камень, на Анну мельком, затем, оттряхнув занавеску, раскрыл окно и высыпал в темноту ночи.

Топот убегающего человека уже едва был слышен.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Последняя серия «Чортова Колеса»

ВТОТ ВЕЧЕР в кинематографе на Казарменной улице, возле фабрики получили «Чортова Колеса». Огромная красавица на плакате под тысячесвечным электрическим фонарем сияла бриллиантами и непомерной хитростью раскрытою рта.

Володька проникся из толпы, драившейся перед кассовым оконечком, к ожидавшим его у входа размызленным девочонкам из апартаментов. Они мгновенно всплыли на обеих руках его, и так притискались к ним в фойе.

Девушки уселись в углу по бокам кавалера и сидя, продолжали держаться под руку. Володька меж ними, в теплоте их распанных рук, томился бесподобно и тупо. За эти два дня, пока в фабрике в контроле, на фабрике у табельных только и было разговору, что об Аниной выдумке, он расху от бесстыдной злости и скрип зубами, сам выдумывал, чем бы Анне отомстить.

Мысли были решительные и линкое, как эти девушки по бокам, но от них только пот выступал.

на либу и не было утешения. Отвязаться же от них было еще труднее, без них, как без девушки, можно было вывернуться наизнанку от скрипки и тоски.

Ждала недолго. Девчонки скрипки пронесли истерическую вальс. Студенищами у каждой двери толпой нетерпеливо зашаркали ноги. Двери были распахнуты. Залик с прыгнувшим потолоком переполнился, и через минуту механизм засунутый в несгораемую будку, начал развертывать фильм. По экрану заметались все те же знакомые джентльмены—дамы, в сотый разожиние, тысячу раз спасистко ускользнули от суда, от яда, от мести разъяренного любовника.

Володька миль грудь девушки с юношеским не прыгал от другой. Она не противилась. Но девушки скромно заметали, что сегодня Володька сам не сырой, какой-то дубовый, молчливый...

И когда лента раскрылась и экран погас, Володька быстро и грубо распроцедил с подругами, пошел бродить по переулкам, приглашаясь и пристраиваясь и что-то ища.

Он угадал по тюлевой занавеске Даныиного окна,—оно однажды светило во всем переулку. С противоположной стороны, забравшись в груду камней, приспанных забогтившим хозяйством для нее, занавеска Даныина мог в проэрные стекла увидеть всю комнату.

Анна стояла против окна и говорила что-то, немножко размахивая руками.

Данька же, подперев голову, сидел за столом перед нею и глядел на нее, как на чудо.

Никогда Анна с ним, с Володькой, так и говорила и никогда так не была хороша. Никогда не видел он Даньку таким подавленным восторгом перед мастерской работой чужих рук, таких смиренных и тихих и никогда сам он не имел такой злости и зависти.

Он скатился с кучи, поднял огромный камень и перебрался с ним через улицу к окну.

Комната перестала быть видной, но через самые стекла просачивалась эйзенщик от счастья голос Анны.

Володька приподнялся на цыпочках, задрожал от натуги и швырнул камень в окно. Стекла брызнули со страпоном грохотом. Володька метнулся в тень забора и, пробираясь из него, вылез из переулка.

Он перебежал улицу, свернув за угол, пугая сзади и погоню и затерялся в темноте сонных улиц.

Данька, не вставая, посмотрел

в окно...

Он направно бежал и таился. Никто его не видел, никто не предполагал. Даенька открыла окно, посмотрела во все стороны, усмехнулся и убежал шагам и обернулся к Аине.

— Ничего,—сказал он,—это, Аинка, и со старыми хозяевами было.

Она еще с испугом смотрела через окно в тихий мрак ночи. Даенька же, прикрыв его, спокойно собирая со стола и пола осколки стекла.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

С в е ж и й в о з д у х

ПАВЛУШКА, с ним двое других, указанных Никитичем, были давно уже переведены в новый корпус. В старом же коридору на работу встали новые люди.

Никита Пахомов склонил холсты и ворчал. И при хозяевах шпионов к нам не ставили. А это и же такое? Мешок на голову, да и вдруг, чтоб до второго привлечения не забыли, сунули детей!

Новые люди, однако, ни за кем не следили, работали весело, с Пахомовым были ласковы и за две недели никто над листами не шутя. Никита Никитич спасся от них и только однажды нечаянно ввязался в спор.

Кто-то из новичков поучал мальчишку, оторвавшего клюк холста на перевязку порезанного пальца.

Нехорошо, Петяшка: ты кусок попортил все-таки.

Мальчишка мотнул. Никита Никитич сурово отругнулся:

— Социализм тоже. Куска взятъ нельзя. — Это же все государственный продукт, — обернулся тот к нему.

Никита Никитич ткнул себя пальцем в грудь и закричал:

— А сам я — не государственный?

Он открыл в неподдельной уверенности в своей правоте, но вскоре он тосковал и не знал, куда себя деть. Понадарили лопатой грядки в своем палисаднике перед нахлебничным сплюзившей краиной домиком, он дождался ухода жены и, тихонько покрашивши в каморку, изъял из конфискации поганник. Из узенькой щелочки гипсовой копушки, в виде голстомордой свиньи, деньги приплюснил тристи, так долго, что с лысиной у него трикотаж сплюсли ручи оттуда.

С поганником Пахомов залег на Павлушки и пошел с ним знаменитой прогулкой в пиньевку.

— Жмуут? — спросил он на Павлушки.

— Ничего не жмут,—вперяя тут же взгляды на корпус тараканята уж. Обычая у них нет. Дай срок — прилягусь. Двое есть подхождущих, надо бы пощупать их снаружи, а то и влезть недолго...

— Да артелью, конечно бы, способнее...

— Артелью работать — озоловить можно. Они переплыли площадь за полотном молча.

В дверях Никита Никитич повертел на ладони поганника, выругался, сплюнулся:

— Много ли тут разницы? Матю один. Он сидел за зелено-бузячей очень долго.

Впереди него, за зелено-желтыми горнами бузыканы, перебрасывали спины посетителей.

Тонкие партерные люди скользя себя от шиной отгадки, —ухмыльнулся Павлушки, подсев к нему.

Никита Никитич покачал головой только. Павлушки накинулся на него:

— Эх, ты, курица! Это чтобы на бутылку-дважды не вынести — какой ты есть человек! Невероятно, холстину на ноги и туловище за товаром послыпал то и дело. Поступок в деревне идущий духом курчавый. Только подавай.

Никита Никитич допина, бутылку, посыпал еще с полдюжины поглядыша, как пили другие, и ушел сумрачный и злой. На душе у него было ужасно, как на широкой площади.

— Ничего меня учить, —порчал он дорогой. — Малыши. Мне указывать... Тычка мастеря, подумашь.

Малыши. Мне указывать... Ученого учить — только портишь... Шуты гороховые, право.

А на работе, перед концом, на другой же день, накротил он на ноги по холстине, и пожалничав, накротил столько, что сгибать было трудно и ходил он в развалику, как на деревянных ногах.

Петяшка, виновный ему на тележке холсты, на которых он не обогрел внимания, отозвал его в угол и вцепился в руках, чуть не плача.

Даенька, даенька. Уж это ты оставьте.

Никита Никитич вытаращил глаза от изумления, прохрипел:

— Это ты про, что пашешь?

— Снимите холстину, даенька. Не хороши вам с вами так делать.

Никита Никитич отступил в ужасе.

— А, ябда чортова... Такой ты!

— Я не ябда, даенька, я не ябда. А только, даенька, табельщик заметит, контролер увидит и без того. Я только прошу вас, даенька. Нельзя, даенька. Вчера только собрание было, никто насчет этого стояло... Слово рабочие дали...

— Кто слово дад?

— Все дали, даенька, друг за дружку. Чтоб общеско не заводили по-старому.

Никита Никитич долго глядел на мальчишку, потом сказал глухо:

Удивил тебя, щенка, мало.

— Да уж лучше удивите, даенька, только холсты не троните.

Он посмотрел на вихрастую голову мальчишки, на веснушчатое лицо его и, сплюнув зло в сторону, тут же снял холсты и швырнул их мальчишке.

На, подавись,

Никита Никитич домойшел в тоске и скучке. Был он уинженер, оскорблён и побаллен и не поднимал головы.

— «Пивка бы», — подумал он, но вспомнил про Павлушки и машина руко, пошел домой.

Как ни тяжело было это отречение от привычного развлечения, но на дне его лежала типицкая радость. С нею Никита Никитич прошел мимо своего палисадника и постучал в запертую дверь с необыкновенной скромностью.

Шестнадцатая девочка долго возилась с запором и отец с ульбкой ждал смирился. Девочка, повязанная в платочек, как израслая, шепнула:

— Вон тебя ждет.

Никита Никитич вошел в кухню, затворил дверь, — и изумленно посмотрел на жаждущую его женщину. Она сидела на лавке у стола, прикрытая клетчатой шалью и по этой помятой шали, не видя еще ее лица, Никита Никитич узнал Наталию.

Он заволновался:

— Кто же это? Неужто ты, Наталья?

Она расплакала шаль.

— Господи, помилуй, на кого ты похожа стала. Хвораешь что ли?

— Нет, здоровова.

— Что-же постарелось...

— Не знаю. Время знать, приходит.

Будет болят зря, — недовольно пророботал Никита и погладил лысины, точно он ей напомнил неосторожное, — что зашла-то?

Сурок присад.

Никита Никитич выгнал таращившуюся на них глаза девчонку и, притворив за ней дверь, спросил:

— Сонька, мать где?

— Ушла, — ответила за нее Наталья, — я осталась посидеть.

Никита Никитич подошел к ней не близко, оставил себе расстояние, чтобы свободно разглядывать ее и, обогнув ее головы с ног до головы, спросил с тупой безнадежностью:

— Наташка, да неужто ты опять с ним?

Она кинула головой.

— Ведел спросить — нет ли чего у тебя? Принесли из деревни за товаром.

Никита Никитич продолжал ее рассматривать, шаля от изумления.

— Ведь он, значит, окончательно слепой. И ты с ним? И все по тому же делу? О, господи, помилуй, да ты что к нему привозилась, Наташка!

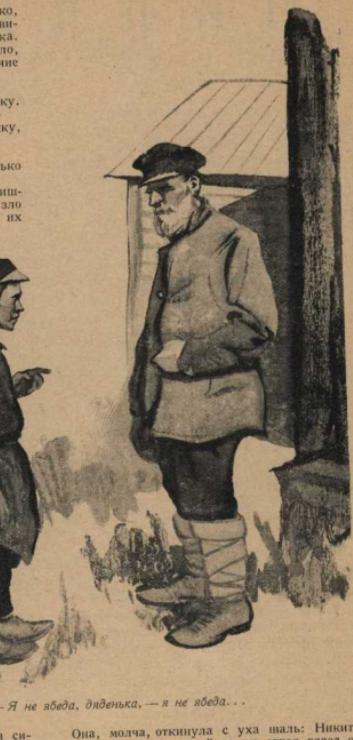
Она, кивая головой, опускала ее все ниже и ниже, потом, поднявшись, спросила дрожаще:

— Справишься — товар есть какой?

— Ничего нет, — помолчав, с суворостью, неожиданной для самого себя, ответил он, — и не будет. И тебе, Наташа, лучше бы с ним... и того, Наташа. Развязывайся тебе с ним.

Она молчала. Он положил ей руку на плечо, и, присев рядом, спросил просто и деловито:

— Быст, чай.

— Я не ябда, даенька, — я не ябда...

Она, молча, откинула с уха шаль: Никита Никитич взглянул и сейчас же отвел глаза от окна, занекшейся на неиссяк темном пятне.

— И пьет? — глухо спросил он.

— Пьет.

— Что же ты не уйдешь от него? — простона он, наконец, — что не уйдешь, Наташа?

— Уходила.

— Ну и что же?

— И опять пришла.

— Что-ж любишь, что ли уж, очень, дура? — Жалею.

Она помолчала и прибавила шепотом:

— Главное, если-би не через меня такой он стал, а то кому ж он такой нужен.

— Не пропадают такие-то стервцы.

— А я куда денусь?

Он взглянул ей в глаза и увидел в них жуткую собачью преданность. Он встал со стражом, томимый бесплодной жалостью и тоскою.

— Ничего у меня нет, — и не промышляю этим больне. И за это кому не ходи.

Он прошел в угол, взял торчавшую за печью лопату, точно давая знать, что берется за дело и говорить больше не о чем.

Наталья встала растрелянно.

Он вышел ведя за нею и, сойди, по межам грядок с лопатой.

Когда Наташа скривилась за углом, он выровнял грядки, кое-где размытые поливом, затем облокотился на чанчик и стал задумчиво круить папиресу.

Вечер, как электрический, наступал с томительной неизвестностью. В перегорле, за углом, в одно только окно блестали ранние огни. Тень ложматой Даныньской головы металась через стекло по улице, с нею рядом недвижнее проявлялась тень девичьей головы.

Никита Никитич курил, смотрел на это окно и беззлобно жалел о том, что он не родился на десять лет раньше.

Конец

М И Л Л И О Н Щ И К

Р. РОМАН, рисунки М. ХРАПКОВСКОГО

I

КАК Марья Лыскова залезла в печенку почтенному, но малохольному сердечку деревни Малое Пупкино — Семену Плещкову — долго рассказывая. Но факт остается фактом, и вышеупомянутая зловредная Марья в эту самую печенку залезла и прогрызла ее насквозь.

И в один весенний денек малохольный серединчик Семен Плещков почувствовал, что мера терпения его переполнилась и что теперь должны наступить события.

— И что ж это такое? И где же теперь на свете спрavedливость? И неужто каждая, прости господи, чортова баба, которая промежду прочим мужа через свою зловредность на войне потеряла, может трудинцкий народ угнетать? И может ли эта самая бехвостая гадюка своего малохольного козла запускать в мою трудовую капусту, словно в тиатр какой?

Тут малохольный Семен Плещков принял в таком волнение, что почувствовал необходимость закурить. Оторвав от газетины изрядный лоскут, он уже готовился было высыпать на ладонь с полистета, как вдруг глаза его упали на газетину, да так и не слезли с нее до тех пор, пока не дочитали до конца следующее:

Обнаглел

«В деревне Малое Пупкино еще имеют зловредные личности в роде кулака и эксплоататора Мордоворотова. Он обде-

лывает все дела свои нахально и не без помощи сельсовета. Сельсовет не спи и подтапни!»

Сергей Кукушкин

И как только Семен Плещков прочел эту заметку, волосы его удовлетворенно легли на место и глаза засияли.

— Вот бы так и ее, стервяточку, пропечатать. То-ись ничего бы не пожалел!

И на лице сердинчика малохольного легла печать твердой решимости.

— Арина, — окликнул он жену, — я еду в город. Собери-ка что нужно.

И когда все было готово, Семен дал еще приказание:

— Положи-ка яиц сотенку, да холста штуки две, да сметаны киринкоу!

— Это зачем же? — ревниво спросила жена.

— Не твоего ума дело. Давай, когда велят!

II

ГДЕ У ВАС тут протаскивают? Секретарь удивленно поднял глаза и увидел Семена Плещкова, сунувшего в руках шапку.

— То-есть, как это, протаскивают?

— Ну, пропечатывают што-ль.

— Заметки сдают?

— Ну, да...

— Здесь...

— Его вам, што ли, а?

— Ну, да.

Семен поглядел на тщедушную фигуру секретаря, потом для чего-то на луконько и холстину, вздохнул и насупился.

— И телок, значит, ее онадысь моего Ваньку напужкал...

— Ну, что же? — занервничал секретарь. — Сдавай-те заметку!

Семен поципал бородой и вздохнул опять.

— Слушайте: мне некогда! Что вы здесь стоите, как столб, и взды-хаете? Вздыхать можете и в другом месте.

Семен посмотрел на секретаря еще внимательней, и, наконец, выдавил из себя:

— А — выавистельноти этот самий?

— Кто «этот самий»? — вскинул секретарь.

— Ну, протаскиватель, што-ли ча. — Да, да. Я самый!

— Ей-богу?

Рука секретаря потянулась к чернильнице, но замерла на поддороге.

— Честное слово, — выдавил он из себя, — давайт вашу заметку.

Семен еще раз сокрушением посмотрел на луконько, киринку и холст, затем крякнул и поставил все это богатство на стол, уселился на краешек стула.

— Так вот, стало быть. Нужно мне одну байдуганную пропутянуть. Уж до того зловредная баба, что страсть.

— Ну, так давайте вашу заметку.

— Да уж я вам лучше на словах. Где уж нам заметки писать, в тиатрии не ходим, чай!

Секретарь вздохнул и пододвинул блокнот.

— Говорите.

— Ну вот... значит есть у нас такая зловредная вдова, Марья Лыскова. Соседка она моя и никакого от нее спокойн нету. Курят ейные со двора моего не ходят и козел в мой огород как в тиатрии ходит и даже телок онадысь...

— Позвольте, позвольте, — протестовал секретарь. Вы ближе к делу!

— Да я вам дело и докладываю. И телок, значит, ее онадысь моего Ваньку напужкал. Ванька его по малости лет за хвост потянул, а эта злостная скотина ему в рот нагадила. Должен я его терпеть, али нет?

— Но позвольте!...

— Нет уж вы меня не си-вайте, а то забуду...

— Да постойте же! — не своим голосом заорал секретарь, — не может такая заметка пойти, не интересно!

Семен не растерялся.

— Как не интересно? Да нешто я не понимаю. Очень даже интересно. Я, ведь, не за-даром!

И деловым тоном Семен дол-бавил:

— Полсотенки яичек хва-

ти?

(Окончание на последней стр. обложки)

Секретарь удивленно поднял глаза и увидел Семена Плещкова...

СШИБИ-КОЛПАЧОК

Н. БОГДАНОВ,* рисунки П. СТАРОНОСОВА

ДЕБЯТА переплынули —
ион в укоме
всомала язвы
и непривычное
и сан от был
и в дно,
нова бы ак
тило.

Сиял он не
как об-
жил, в рясе,
зевался сту-
го через порог,
чтобы сделать что-
бы такое, что
нет смех.

Я думал, что
ты на чувствую
тебя себя смеше.

— Это, я по-
кою, у комо л
все-чес? — роб-
принесши,

волосы молча-
лих пор они
также прокаты-
зовали и обру-
зали на них
один из своего

чироречия и
в представлении
и виши не лю-
дь, а каких-то
людей, а когда
эксемпляр
выпал перед ми-
ни спутались,

и не зна че-
ти.

— Кто зас-
вистиу то в се-
бя, — впросил.

— Я, — сказал, наконец, Потапов, покра-
вя, что сморозил, — то есть не я, ко-
щко, я скретама, а начальников у нас нет...

— Я к вашему сердцу и разуму пришел
спросить.

— Ну, — сдавил Потапчук, вперевес услы-
шав это обращение.

— Нарушите дом мой и храм мой поди-
навые вам отроки, держат все село в страхе.
можено ли такое насление, и с вашего ведома

такое сделано?

— Тогда это же?

— Всюду гнали меня из дома, даже
с собою не дали, церковь взяли, граждан
оружия напустили коммосковцы-то ваши!

— Где же это?

— А в селении Сшиби-колпачок, по-новому —
Сибирь называется.

— Здорово работают стервецы.

— Разбойники, — подтвердил поп, — видя
в словах себе сочувствие.

Потапчук, войдя в роль начальствующего
власти, еще раз расспросил необыкновенно про-
цессии о положении дел и вынес мудрое решение:

— Слишком задорно получилось у ребят,
и в одного протокола не видно, посему поехать
вспомогу и еще кому-нибудь в эту ячейку.

На урочище Ермаков и поехали в село
Сшиби-колпачок, поехали туда первый раз
в жизни.

ТЕПЕРЬ уж позабывают, а старики, кото-
рые помнят, скажут: был на этом
месте родник — «утодников слезки». Как
идут две дороги, одна — на Шашки
и Мурома, другая — с Темникова на Касимов,
точка изданья было глухое место, овраг да трясина,
а кругом лес дремучий.

Грабили тут разбойники, и шел тут раз уголь-
ных Шашки, возились и на него, а на него
в одном кармане вошли на аркане, в другом —
бока на цепи.

Сперва разбойники, да угодники и на заборы
и вороты. Прослезились старичок и на заборы

и вороты. Старик на воду пить, коней здесь поинь-
и разбойники трактир поставили, стало им
одноко вдвое, а кого побогаче и ограбить.

Стал народ воду пить, коней здесь поинь-
и разбойники трактир поставили, стало им
одноко вдвое, а кого побогаче и ограбить.

... вдруг ореховый куст заколебался, и из-за него показались две фигуры...

— Ну, что же та-
нерь делать? —
развел наш кучер
руками. Я и Се-
режка то склони-
вши головы, и вдруг ореховый
куст заколебался
и из-за него показ-
алась две фигуры.

Сережка сунул
руку в портфель и
ущенялся за браун-
инг, я за этим же
полез под рабуху.

— Что за лю-
ди? — угрюмо во-
просил, вы ходя
перед собой, ореховый
куст в длинной рубахе,
в вилочной шляпе,
какие носят
есеники, и в
огромных новых
лаптях.

— А мы даль-
ние... — ульбнулся
робок и почтитель-

— Из уезда, —
пояснил я, забирая
басон.

— А ваш ма-
дат? — из-за куста
выйшел в тюрь-
точка в точке такая
же, только повыше
и пошире в пле-
чах.

— Мы из уко-
ма засели ю-
я чеку, — напри-
мок в буху и Се-
режка, набравшись духу, и приготовился, пряча
бронинг в рукаве.

— Из комсомола... — отскребся передний, —
в нашу ячейку ух-та гоже! Что же вы не вскри-
чили, откуда моя в трясине засесть!

— Себя промедил, — заторопился второй и
оба вбежали в трясину и стали по ней ходить.
Их огромные лапти не давали им превалить.
Их огромные лапти не давали им превалить.
Их огромные лапти не давали им превалить.

Дрожал этот земский до орехового куста
и как волится засел в трясину.

Разбойники тащили к трапанцу.

— Ах вы, скрошки дети, — орет немец, — как
село звать, такой паршивиний?

— Сшиби-колпачок! — ржут ему ребята.

— Помогай тащить, скрошки дети, ви мне
будить сшиби колпачок! — ярится немец.

А охраня его ни живы, ни мертвые стоят,
как волится засел в трясину.

Разбойники тащили к трапанцу.

— Сшиби ему колпачок! — ренут ребята.

Как тра-ахает ему один из маковок, и полетел
который колпачок и...

— Тиши! Слезайт телегу тащить!

— В чем дело?

— Ореховый куст. Ямщик снял шапку и пе-
рекрестился. Слезли мы с телеги и невольно,

теснились друг к другу, оглядывались. В сумерках
все было необычно. Часовенка, на которую кро-
силась ямщик, казалась белой, она была сущ-
коватая, сделанная из неотесенного дерева.

Впереди дышалась туманом трясина и уходила
в дебри огромных листистых оврагов.

— Ну, местность, — сказал Сережка, мы
еще раз оглянулись. С бугорка насмешливо поглядывал на нас курчавый ореховый куст.

— Я невольно отвернулся, боясь увидеть за
ним полосатый колпак.

— Ну, берески! — сказал ямщик так громко,
что мы вздрогнули.

Все успелись за телегу, захваченную — не
видать спины, налегли.

— Но, но, пошел! — Ямщик стегнул, лошади
скакнули как козы, бестолково сшиби
друг друга, тележонка наша выскоцила в бок и
увязла еще больше.

* * *

ЕЩЬ, ПОКА посинеши, рукой матиашь — выта-
шиши — хлопнули меня по плечу одни здор-
вия, которого я успел отгнить по его
маскому лицу с руцом попекр. Стоявшие
поглядывали одобрительно захвачеными.

Перед нами на столе дышалась горкина ка-
кого-то варева, лежали куски свинины и целая
баранья нога на деревянном блоде. Вот откуда-то

итвали Никинкин,—говорили ему—чортуть—
туду грип синтай, а он замешкался. Спектакли
у нас до сердца доходят, наряд у нас с сердцем.

* * *

ВЕЧЕРОМ прохлада стелилась с лугом, пол-
ным матного запаха скоченного сена. Серега
стал писать отчет о ревизии яичек, а
я вонил в луга.

Село, заброшенное на буграх, было похоже
на все другие, которых я видел, массивы леса
подходили к нему вплотную, как бы замыкая
прямое колено вокруг заливных лугов.
По другую сторону полевого равнины отка-
зывалась от той самой тряпичной, проходящей
дороги верст за замыкающейся «брюховым» кустом,
а востоком через ручей «угодников слезки».
Небольшой мост!

Я спустился в дугу, мнившую оконницу и свер-
нув в ложбинку, норосшую тальником.

Она меня выпела к реке Мокше.
В ее воде, черной от древесного настоя, раз-
говаривали я рыб и каких-то гадов и думал:

— Стою плакать угодину на этом месте,
чтобы было сюда нечего прийти?

И вспомнилось, как вчера член уединен-
ный, несранный крик. Я поднялся и уви-
дел развивающиеся волосы, несущиеся вихрем
к горлу. По краям его бежали два парня
и гром, дубинками, кого-то увечивали

— Стой, стерва, ноги перешепи пред!

Я не успел поинуть суть всего этого, как на
меня из овражка выскошила бледная kostлявая
женщина и тут же упала на землю.

— Не отдавай, не отдавай! — бормотала она.
— Это что, — я поднял из рук ребят.
Скакунчики и кобенчики, кусине ма-
пушутчики, тапоти, наименя пуды хотят...

Все, женщина прижалась к группе какой-то
сирени.

— Ну, пойдем... — ребята взяли ее и поволокли.
Зантересовалась, я пошел за ними. По до-
роге, дождясь, стояла еще куча каких-то лю-
дей. Среди них я заметил Рубиновый нос, а потом
человека с детской колясочкой. Они горячо
о чём-то рассуждали.

— Я — рабочий, а ты крестьянин, ну?

— А спасибо тебе, что ногиши!

— Да... — брал за плечо Рубинового носа
человек с колясочкой, я же тебе говорю, не дает
ни фабрики зарплаты кроме натурой, берем
на себе отпуск и честноudem поменять этот
ситуацию на мукку.

— Я этого не знаю, мне давай бумагу.
Человек с детской колясочкой приложил
руку к сердцу, но Рубиновый нос не дал ему раз-
говаривать дальше.

Пойдем в село, там в волосы разберем!
Человек вздохнул и покатил вперед свою
маковку, в которой лежали сверточки. За ним
богачка и еще несколько других.

— Вот четвертая партия из дна, откуда-то
Иванова-Вознесенска, издалека, и все
такой-то. Упред! — сказал мне Рубиновый нос.
Наполовину привели к поменянию яичек,
и не успел я оглянуться, как они очнулись за
аком-то крепко захлопнутую дверью в подвале
дома.

Я бросился искать Сережки.
Он ходил по перванде и чесал себе маковку,
когда я вошел.

— Сел я писать отчет и сам не рад.
— А что?

— Пришел Перстень и потребовал им его
прочтение.

— Ну и что же?

— Не умею я стихи писать, вот и хожу.
Я рассказал Сереге о моем прогулке в дуга
и том, как ловят «спекулянтов»: дедушине комсо-
мольцы и каких.

Мы с Серегой бросились искать Перстину
и наткнулись на него в коридоре. Он шел с ка-
жком-то рожебородым мужчиничем побольше его,
и перед Рубиновым носом катил колясочку, полную
сирени и разных предметов.

— Резин так можно! — завопил Серега, — это
трабеж, ведь надо отличать, это рабочие, а вы их!!

— Потина, потиша, друг, — остановил его
режебородый, — я здесь власть на местах и дедушин
и нам не без вас; у нас даже не как у куличин,
а из обида — у кого что отберут, десять фунтов
уги на дорогу дается. Обиды у нас не должны
быть...

— Все равно грабеж, с десятью фунтами или
без них...

— А хохлы ты за такие слова к нам в темную
уйти? — мглистые прощупы, — рижий хэнди осмотрят
нас нас и добьют:

— У нас бы таких плохоньких близ до яичек
не допустили, а то — инструктора укома.

У О Т ТАЙЛЕР¹

М. С В Е Т Л О В

Узка моя могила,
И пасынь обвалилась,
Здесь время опоздило,
Здесь смерть остановилась.

Опять воспоминанья
Бредут толпою робкой
В неосвещенном зданье
Под черепной коробкой.

Опять цветут палатки,
Опять горят лаучити,
И Лондон в лихорадке,
И Англия в испуге.

И видела британских пашен
Опять отряды встали...

— Нам трудный путь не страшен,
Веди, веди нас, Тайлер.

В боях нам будут любы
Огни и гул погони...

И в такт заняли трубы,

И в лад заржалы кони.

Нагянуты подпирали,

Мени властяют занюко,

И лорд бежит в испуге,

И мы летим в донгоку.

Мы лордов побеждали,

Но смерть нас победила,

И трубы зарыдали

Над свежей могильой...

Не раз еще сердито
Земля встречала войны,

Но я — бес забытый —

Лежал в земле спокойно.

Теперь сквозь крышу гроба

Я слышу канонаду,

Опять вскинута злоба,

Опять встают отряды.

Знакица озирают,

И кони в истернены,

И песни боевые,

Мне обожгла колени.

При звуках этой песни

В моем гробу закрытом

Я так хочу воскрепнуть,

Чтоб снова быть убитым.

¹ От Тайлер — вождь крестьянских восстаний в Англии

После этих слов все, миновав нас, удалились
в одну из комнат... Мы собрались уезжать, но
пришел Банько-Перстен и позвал нас за собой
в ту комнату.

Мы, засунув руки в карман и грея их о горя-
чие блюдки, сели.

— Вот, — сказал Перстен, — это вам в уком
членский взнос, как нет у нас денег, то натурой.

Перед нами лежала груда мануфактур, на-
чиная от куска сукна и кончая цветистым
ситнем. Несколько пар часов, сапог хромовых
и самовар.

— Перстен, не поддается у нас натурой.

— Еруди, вы все там пройдите, годится.

— Нам и положить-то некуда.

— Мы вам уложим, ребя таш!

Двое парней стали ухватывать и тащить на-
шему ямщику все добро.

— Хоть самовар-то оставьте! — молил Серега.

* * *

С РАНДЕВЫМИ волнами ржи полон весь
город — этигровый город — крестьянский —
сон и оврагов теперь до самого коня, Тамбова,
а там уж колыхаются украинские
степи. Позади — толь и трясини, позади — Угод-
никовы слезки — и ореховый куст, перед нами
стелется шестьдесят ровных, покойных верст
до самого нашего укома.

— Теперь доедем, — вздымают облегченно Се-
режка.

— Заранее не загадывай, — чешет маковку
ямщик кнутом...

— А я — эмые — ленивые, пошли! — Стегает он
лондней и все отговаривается по сторонам.

— Да ты, что?

— А я так.

— Ай они за нами поедут?

— Едут, братишки, едут, — заголосил ям-
щик, привстал на облучке и заколотил неистово
лондней. И тут сквозь закрутившуюся пыль
увидел я выметывающиеся из ржи черные и ря-
жие гривы лондней.

— Пропали, — сказал Сережка.

Рядъ по краям дороги разделял и нас окру-
жил табун облезлих кашев и насыпками
коней. Перед глазами замелькали Рубиновый нос,
Перстен и еще, и еще.

— Забыли мы, слышь!

— Отчего-то почтить забыли!

— Какая у вас линия, касатели на нас?

— Товарищи, опамятались Сережка, вот
ваш отчет, читайте — знаите, мы за вас по гроб
живи, крепкая вы яичек!

Перстен взял бумагу и прямо с лошади стал
читать присланенный Сережкой похвальный до-
клад...

— А докладывать также будешь? — спросил
после прочтения Перстен...

Среди них Руби-
новый нос, а потом
человек с детской
ковской...

— Едут, братчики, — заговорил ямщик, неистово ударив по лошадям...

— Ну, что ты, неужто как по-другому можно? То-то...

— Ну, проще всего, на с'езд все приедем, всей ячейкой дохнайдите.

— Счастливый путь, — сказал я и помахал фуражкой.

Довольные и счастливые сибирь-колпачники тронули коней во спуски.

* *

ГЛАЗА Сережки весело блестели и утиный нос блаженствовал, разгуливая из стороны в сторону, когда он делал досаду, а я ему поддавал.

В докладе Серега проговорился о брате, в глазах многих ужаснулся и прочел:

— Надо было бы мне поехать.

А когда поведал о рязаньской власти на местах, о трясине, о памятной последней встрече, то эта же фраза читалась мною наоборот.

Доклад был так необычен, что никаких решений не могли нанести, а каждый взялся обдумывать и через недолгое время собираться и высказывать свои предположения.

Членский взнос, привезенный нами, понес в воздухе и превратился в какое-то музейное сокровище.

Скоро эта история была у всех на языке

* *

НЕДЕЛЯ, может быть, больше месяца, уком не знает, что ему делать. Много мероприятий было предложено, дабы наставить ячейку на путь истинный, но все они требовали поездки в те самые дорогие места, а ехать не хотели решительно никто.

Уком партии и уисполнком были заняты другими делами, в районе мордовы шло восстание, здесь был осажден крестьянами по поводу развернутой губерния наша, Тамбов, пич диной горючей каждую ночь изнемогал, отбивая банду Антонова.

И вот, пока шла укомовские недели, Деникин грозил Орлу, и губернская наша газета напечатала крупыми буквами имя Мамонтова.

Он шел, как огонь по сухой степи, за которым гонялась грозовая туча, гроза ударить и затянуть его, затоптать в грязи тысячелюбивым.

В ночь, когда у подступов к землеморью мосту зачерпнул свежий земельный последний окоп, а чека спешно арестовала неблагодарных личностей, на имя начальника чеки Петра Алексина пришла телеграмма:

— Наступает время вверренный миг отряда потеряв половину боевой силы отходит Темников. Светозар обединил десантником коновецких беглецов и мордовских повстанцев идет на Чернигов — Сибири колпачиков.

Начальник 3-го отряда Осипова Лайба.

— Плены, — сказал дядя Петя — начальник чеки, — не жади мы никого из этого бока, на случай этой дорожки беговой нашей должна быть; он потер себе поясину, краянул и прищуршил свой единственным глаз в сторону фон-Франциана — командира рабочего батальона...

— Надо их где-то поудобней да порашне встретить, а то в городинске таращатся.

А свой батальон не дам, присвистнул фон-Франциан — здесь станция, мост, поселок без защищины.

— А Лайба отброшен?

— Что Лайба!

Дядя Петя вдруг вскочил и, на ходу подтягивая свою парусиновые штаны, выскочил на ужиномский двор.

— Бекетов, подавай звезды!

Звезды звал он автомобилисту, трасущий и речущий, единственный на весь городок.

Когда мы с Потапчиком вышли из уюка, то увидели, что в зыбку несколько ребят таскают из подвалов старинной японской войны берданки с аршинными разрывными штыками.

Таскай, таскай, беги, мужик он к спону привык! — подбодрил таскающих дядя Петя.

— Потапчик, я к твоим соловьевым-разбильникам, — увидел нас дядя Петя, — а это тот, который с ними бражничал, ну, садись, — вину он на меня, — поедем опохмелиться...

Я очутился на потертом сиденье «зыхки».

Вечер нахлынул душный и пахнущий молодечем с распаханных полей, и мы покатили по ровной дороге на Сибирь-колпачок.

Комсомолисты из городинска бились налья, мы с тобой знаем, как брат и берих сварить, — хлопая меня по плечу дядя Петя, оживленный, и веселился.

Глазистый автомобилист ревкал, и далеко шарахались пыльные табуны лошадей.

На заре брызнули на нас живой росой «угодников слезки» и, хрипя по оправам, скатилась наша машина к знакомому подъезду повсевременного дома.

Хлопон мне широко ульбакас Рубинский нон оглушительностью по плечу.

Дядя Петя тянул из ковша брату и обнимал рязаньского детину. Он рассказал ему про Светозара, про коновецких беглецов, идущих на Сибирь-колпачок, очевидно, не иначе, как имущество восстания и про то, сколько добра награблено у Светозара с наших складов и из церкви.

А я доказывал ячейке благодарность укома, выдуманную сейчас же, и призываил еще раз постыдиться за революцию.

Около двух сотен бородачей, рыхых, ввойнички шляпах стояло у нас к вечеру в церковной ограде, дерка в обеих руках увесистые винтовки с такими страшными штыками.

И из ячейки сформировался дядя Петя особый отряд, назвав его «Батыни смерти». Он имел шинели более надежные и дал обещание умереть в бою.

Дело вывердало серьезным, но дядя Петя казался спокойным, хотя у него ярко-пунцово горело одно ухо.

Подъезд следующего для наши разведчиков донесли, что из лесов идет войско.

Скоро бинокль дяди Пети увидел далекие луга, зачерпнув сперва исадинами, затем пешим народом.

— Ну, — сказал дядя Петя сибирь-колпачков, — идти, видать, если они нас побьют, то останется от села вашего один пепел...

Глаза рыхки метались, как у затравленных волков, и подергивались волосатые руки.

— Нападать надо... самим нападать, — ворчали в толпе.

— В село и допущать, не допущать в село сожгут!! — неессы запыхающихся крик из рта.

— Правильно, а теперь в Ужовку люди веди их, Егор. Как минуют они вас, в эти на них сажай.

Разборочный, согнувшись, побежал первопускну руки до земли, и за ним такие же испытанные побежденные мужики и простым глазом земле винтики, как дубины.

— Батыни смерти, в заслон к плестью!

Дальние события пошли сами по себе. На брались на автомобиле, дрожаки, готовы к жаждущую минуту рвануться вперед, положили дром зажаренные маузы и прости газом земле блюда за ходом боя.

Вот, перейдя Москву, показалась пестрая светозаровская банд. Здесь или в эхале пол-искусства. У самой Училищной ложбиной и за ней вспыхнула пестрая, вспышившая цепь.

От плестью трех стрельбы — торопливо жадный, честный, все быстрее, в том числе и гонки, пока не приблизится погоня.

Рука и паша привносила шофера своего сиденья, вспыхнула, вспыхнула у них, ох, что они не нададают!

Вдруг из клуба синевеющегося на дороге отделяется телега и несет в луга, ком другую тяготу, куда попало.

Городской Фидель Петя сел и закрыл глаза. И вот здесь, будто брошен в разные стороны по бутрам и ложебинам лугов.

Бежали они, дружно, дрогнули, падали кто-нибудь один вставал. Если вставал и падал мы знали — чужой, если опять логоня дрожаки, наш — сибирь-колпачок. В это время синевы в селе лежет, спотыкаясь, потная толпа.

«Батыни смерти» смят, немного ребята иже не бегут и плятятся, торопливо стреляя в землю и хрюплю вскрикивая.

Машине ревала — ревала — ревала.

Толпа все ближе, комсомолисты падают по фонарикам, и их поднимают на спину банд. Они синевы упираются в голову, падают раздраженный раз, на родное село. Когти обнурели цапушки, зажимая руки кровью рот, упадешь на землю небыльно болиные, мученища в землю и знакомый рубиновый нос.

Толпа все ближе, нам пора.

Но шофер вместо этого, чтобы ранить машину, в поля, схватил маузер и хлестнул в прыту, и она вдруг смельчака, передела и падала на землю. С лугов, прискальвания и размахами над головой штыками, бежали победители — наши мужики...

Вечером мы вели в городинско скову чтобы разделить ее на всех фонарных стойках в гробах.

— Добровольческими силами села Сибирь-колпачок отбито наступление измотанного батыни Светозара с большими потерями.

С нашей стороны потери незначительны, бывшая подстрадала комсомольская ячейка, пылая ударным батынином.

Прошу город сблюдать спокойствие, со стороны банд Светозара опасности быть не может.

* * *

ПОСЛЕ ребята, с ног валит! — отмахивалась от плестью к плестью укому, сада двинялся в пыль, отступая к плестью к плестью.

— Работайте тептер, — сказал дядя Петя, либо на маковку ледяную колоденую воду, — осталось от ваших соловьев-разбильников штуки семь, саммы ладицки.

— Самдоры тых их использовать выдумал, — откладывая Потапчик, — а мы не знали, что с ними делать.

— Выдумать — не я так выдумал — прием, — оборвал его дядя Петя... А за незнание в сибирь мы так использовать.

— Ведь они... мы...

— Да, да, там теперь разбазариваются, может вас всех укома за зетра по вторую очередь стратим... — Мамонов Тамбов взял.

Дядя Петя с сердцем хлопот дверью и я, засыпая, слышал еще топот по лестнице и знакомое

Бекетов, зыбь!

„КРУГЛОГОЛОВЫЕ“ и „КАВАЛЕРЫ“

(АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ)

В. РЕЗНИК

ПЕХОТИНЦЕЙ из войска парламента

ЦЕНТР мирового революционного движения неуклонно передвигается в Англию. На эту страну всегда указывали и говорили: вот вам пример длительного классового鬥り; здесь даже сорются классы по-семейному: потрогутся и сойдутся на основе взаимных уступок. Англия и революция горюют буржуазия — венцы несомненные.

Чтобы разрушить легенду о неприменимости в Англии революционных методов борьбы (а это легенда нужно разрушить!), достаточно заглянуть в прошлое Англии, и в прошлом той самой буржуазии, которая сейчас отгремевшая во все стороны, при этом упоминанием о революции.

В Англии капитализм существовал не веками. Ему предшествовал феодализм — строй, основанный на эксплуатации рабочим классом зависимого и обездоленного крестьянства. Капитализм же основан на том, что падаешь денег и средств производства эксплуатируют свободного пролетариата.

В 17 веке Англия переживала переходную от феодализма к капитализму так же, как мы сейчас переживаем переходную эпоху от капитализма к социализму. Новый порядок жизни не мог установиться без уничтожения старого, меткой революционного насилия: нужно было выметь весь хлам и мусор, остававшийся от эпохи рыцарского средневековья.

В это время Англия, после Голландии, была могущественнейшей страной в Европе. Ее мощь создавалась уже не закованной в железные латы рыцарской дружиной, — она создавалась из людей, которая была огромным плавильным печи, поглощавшим деньги из всех уголков света. Пиратским набегам «морских капитанов» на каждое проходящее сквозь бесподобнейшей торговлей человеческим товаром, беспощадной эксплуатацией населения колоний, торговым обманом, подкупи, такими «смельчаками» способами собирались средства, необходимые для того, чтобы начать капиталистическое производство, такими путями создавался благочестивый капиталист того времени.

Торговля забрасывала свои щупальцы и в деревню, она перернула там все, веками утешавшее отношения. Благодаря спросу на шерсть, стало выгоднее разводить скот, чем эксплуатировать крестьянину. Поэтому крестьяне, стонущие с земли и вся страна были наивоными языческими бродягами. Томас Мор писал: «Опры покидают людей... Опры — это малые города, поля, селения». Дворяне обрашут свои земли в пастбища, иноземцы разрушают усадьбы, скижают с деревень целые селения и ничего не оставляют за место, кроме перели и овчарок». Но не только они терпели крестьянство неслыханные муки. Среди крупных помещиков распространялась ужасная мода — устраивать огромные парки для охоты, которая щекотала потерпанные нервы разверзшегося придворного щеголяния. Тысячи десятков земли «официализировались от людей» и заселялись кабинами, на которых было особенно излюбленно.

Помещики в большинстве своей части становились постепенно капиталистами, становились союзниками городской буржуазии в борьбе за «свободу» от феодальных пут собственности. А, с другой стороны, из разоренного крестьянства

создавались кадры пролетариев, необходимые для нарождающейся капиталистической промышленности.

Бродяжничество преследовалось с неслыханной жестокостью: этим способом разоренного крестьянства затоняли на фабрику. Ежегодно казнили более 2-х тысяч бродяг. Каждый, кто доносил на «уклоняющегося от работы», имел право обратить его в своего раба. Беглому бродяге выжигали каленым железом на груди

РАЗГОН ПАРЛАМЕНТА солдатами Кромвеля. (С голландской картины XVII века)

букву «S» и на шею одевали тяжелое железное кольмо; при повторении бродяжничества ему отрезывалась половина уха, а если его ловили в третий раз, то предавали казни посредством колодезания.

Таково было победоносное шествие новорожденного капитализма, «источника силы и гряды из всех синих порт с головами до пят».

Но на дороге стояло дворянское самодержавие, опиравшееся на придорожную аристократию. «Двор» — напичканный вырождающимися дворянством, поглощенный огромными суммами денег: на свои балы, наряды, пиарства, дикие развлечения, роскошные убранства дворцов, на содержания,

бывшие новые средства, парламентставил условием: падим налоги, если даши вольность; если пади печи, не неприкосновенность буржуазии собственности. Обезглавленный парламент, казнивший короля, мог делать все что угодно, но деньги, не денек, без согласия представителей купечества и торгового дворянства, он не мог заполучить. Каждый раз, когда двору необходимо было новые средства, парламент ставил условием: падим налоги, если даши вольность; если пади печи, не неприкосновенность буржуазии собственности. Обезглавленный парламент, казнивший короля, мог делать все что угодно, но когда деньги были уже в кармане, у них исчезала всякий желание выплатить их, налоги растигались быстро, снова создавался парламент и комедия повторялась. Положение ухудшалось, расхотчивательность дворя всхвастала и буржуазия становилась ясно, что добиться своего можно только революционными методами. И она приступает к действию.

Вновь собравшийся парламент 1641 г. сразу предал себя как хозяин страны. Англия услышала новые речи: «законы нам больше не помогают, ибо пока заседает парламент эти блудницы (читай короли правители), как замерзшие змеи, дают своему яду высохнуть; но стоит только парламенту разойтись, и сейчас же начнет излизываться их яд и будет причинять еще больший вред, чем прежде. Что же надо делать? Что же... —то, что нельзя вылечить пластирем, должен вылечить нож».

В это время на сцену выступил главный участник всех революций — народная маса. Хозяйничавшие неизвестного дворца привело к захвату дворца, погромам и торговле, бандиты начали грабить. С дубинами, мечами и палками они собирались толпами и мацандами на дворцы особо ненавистных чиновников. Под влиянием их угроз крупнейшие советники короля и его любимицы должны были на коленях выслушать обвинение в измене, продажности, сложили головы на эшафоте под радостные крики мас, собравшихся из всех предместий Лондона. На улицах начались стычки между «кавалерами» — придворными дворянами, и пуританами, которых тогда называли «круглоголовыми». Король и его

СОЛДАТ из войска Карла I

ОИВЕР КРОМВЕЛЬ (с гравюры того времени)

клика задумали раздвинуть разраставшееся движение неожиданным натиском. Этот маневр тотчас же стал известным и из всех соседних графств поспешили в столицу тысячи крестьян. В Лондоне же горожане быстро вооружались.

Авантюра не удалась и темной ночью «король и его кавалеры» тайно бежали из Лондона.

Англия разделилась на две части: на одной стороне—отジョンша феодальная знать, на другой—развивающаяся буржуазия Англия. Буржуазия, которая трусливо попыталась еще повторгаться, получила резкий и презрительный откат короля удовлетворить какие бы то ни было ее требования. Спор между классами должен быть решен «железной» игрой в кости, причиной войны

Невозможно здесь описать подробно весь ход борьбы. Достаточно сказать, что это была настоящая, беспощадная гражданская война, во многом напоминающая нашу. Партизанами, подлоги и уничтожение замков, зверское обращение «кавалеров» с пленными,—всем этим полна история борьбы буржуазии за господство. Од-

иако, в первом вражеском армии тер-
ялся в беспорядке. Соседы из
насмешливых солдат и управляемые
дворянами, перешедшими на сторону буржуазии
наполовину. Только угроза захвата короле-
вским Лондоном и жесткой расправы с бунтовщи-
ками заставила, наконец, буржуазию решиться
пустить армию в Краину. В этом
заслуга парижской демократии, а не
жизни; она все время крепко отдавалась
за классы, которые стоят ниже ее на общественной
лестнице и требование которых изнутри
с ее интересами. Поэтому она всегда готова уступ-
ить, лишь бы говориться с высшими классами.

Так же, как в нашей революции удалось разбить белых толпы после того, как мы выбрали клич «рабочий-на-коре», так и в английской революции удалось разбить белые толпы из того времени, как в боях уступили жестоким крестьянским казачарам-отряды. Всплынули новые полководцы, незнанные в Англии: башибучинки, истопники, извозчики, фуригиончики. В двух решительных битвах войско короля было разгромлено, а сам король упал в Шотландию. Глава армии—Кромвель—донасил парламенту: «Господи, поражал их под нашими мечами, как колосья».

Оставалось только добыть короля. Захваченные королевские бумаги разрушили легенду о том, что король-де не виноват, это все злые советники портят. Революционный лагерь мог ожидать всяких новых козней, если король не будет в руках парламента. Король—последний обломок «великой рыцарской Британии»—был выкуплен у долго торговавшихся шотландцев за 400 тысяч фунтов.

Буржуазия торжествовала победу. Однако, очень скоро страна почувствовала, что новые правители немногим лучше старых. Верхушка капиталистов открыто использовала государственную машину для собственного обогащения. Земли, отнятые у приоритетного дворянства и казаков, почти даром падали в руки профинансированного купечества; бароны величали свою революционный долгом «восстановления социума»; правительству деньги под текучими высокие пропенты, и это сказала привело к различного рода налогам и поборам. Колониальные войны, подкуп депутатов, растраты и даже фальшивомонетничество «величайших лиц»—снова насыпало налоговым гнетом. И даже поэт того времени писал: «Какая польза от кровавой победы, если грабеж и алчность делают между собой страну».

Естественно, что крестьянство и мелкая буржуазия перешли в оппозицию к правительству парламента. Партия мелкой буржуазии—«левеллеры», «уравнители»—требовала более решительной и быстрой расправы с королем и громко протестовала против закулисных переговоров, которые велись главарями буржуазии. Оста-

Буржуазия была между двух огней. С одной стороны, пользуясь бездеятельностью парламента, «казавальи» собирали силы и втихомолку готовили переворот, а с другой—не менее нацистические «рузвеллиты» обединили под своими лозунгами большую часть солдатской массы, которая угрожала и в один прекрасный день могла

своими мечами установить «диктатуру бедняков». Кромвель—во́ждь буржуазии, был человек крупной железной воли и решительности и большой дипломат—в этот решающий момент стал действовать, так как будто хотел заключить

Несомненно, что Кромвель с большим удо-

ромёл, которого в замысле можно было приводить к любым условиям. Однако, этого не случилось: было опубликовано письмо короля, из которого всем стало ясно, что он собирается обмануть Кромвеля так же, как Кромвель со брался обмануть «левеллеров». В письме были такие строчки: «В надлежащий момент буди знать, как расправиться с этими молодцами (т.е. с гла-вариями парламента). Я награжу их вместо школовых штатов пеньковым галстуком (исцелен).» Это толкнуло буржуазию и ее воюка Кромвеля на временный союз с «уврачевителями». Переменились политику пришлоось тем быстрее и решительнее, что каждые дни могло произойти уже долго подготовленное восстание «казаков». — Если мы станем мечтать, — говорили парламентарии, — то придется короля отослать первого повесить! Король не выдержал, но начал падать, ради, что их карта бита, начали новую войну. Только благородная поддержка крестьянского населения, еще уверенного, что новой кровью оно зарожает себе лучшую жизнь, уда-ется, позаимствовав восставших,

настал час расплаты с королем. Парламент назначил комиссию, которая должна была судить короля, принесшего сообщение об этом с на-
мешкой и с преувеличением «самонадеянностью», отказался от всякой защиты и только тогда, когда все судьи согласились со смертным приговором, он понял, что судьи не комедию ломают, решает судью его головы. Король заметился заявил, что должен сделать важные предложения.

но с ним уже было дело покончено.

На следующий день 30 янв. 1649 г. его вывели на черный эшафот. Слабым голосом он пытался произнести речь, доказывавшую недопустимость участия народа в правительстве, оно никто не слушал. Неизвестный человек в маске, исполнявший роль палача, одним ударом топора отрубил голову королю Карлу I.

Хотя и ненадолго—монархия была уничтожена.
Крестьянству и мелкой буржуазии казалось,

Однако, действительность быстро убедила

Все остальное — в обратном. Все осталось в социализм: и национализм, и социальную справедливость, и равенство, и демократию, и Апология по «карманам богатейших» купеческих. От напоминаний о соглашении с «управляемыми» — от обещаний реформ парламентом отмаялся — до надеек мухи и переходил к «очередным делам». Распринимавшие с одних противников, куркузами могли заняться другим, и «управляемые» чем дальше, тем занее становились управляемыми. Типичный пример — Борис Ельцин, который, будучи президентом, осложненный хозяйственным застоем и упадком в стране, из-за непрерывных войн, тяготивших почти sempre прекращалась, цены росли, начиная спустошительной эпидемии голодного тифа.

Джон Лильбурн, пождь недовольных, исключительно яркий и темпераментный политический боц, едва высмеивал в своем сочинении — *Раскрытие новых цепей Англии*, буркнувших правителей, как изменников, вероломных и лицемерных угнетателей народа. За это он был брошен в Тауэр, мрачную тюрьму, куда короли заключали опаснейших политических преступников.

8 солдат подали офицерскому совету заявление, в котором наложили требования Солдатам-массы. Совет постановил: вынести «мотяжкин» перед лицом всего войска на лопате, плюнуть к хвосту, переломить над головами бейши и с позором изгнать из армии. Лицем к земле из тюрем обращались к солдатам: «Что вы представляете теперь собой? Рот у вас застывает, как будто вы не можете припрянуть и неподоброти, но вы не можете жаловаться, не смеете просить помощи... Никто не смеет противоречить офицерам, если они говорят: ворон болый, солдат должен соглашаться с этим, он неуместен; и солдат — солдат дурдакий, чтобы жаловаться — должен быть выбран из армии».

По всей стране агитаторы «уравнителей» призывали к сопротивлению и борьбе; на заявление об освобождении Лильбурна подписалось 80 тыс. человек. Тысячи женщин собирались однажды у здания парламента, требуя освобождения Лильбурна и улучшения жизни бедняков. Парламент предложил им разойтись и «заняться мытьем посуды».

Взрыв становился неизбежным. Кромвель заявил в палате: «Я говорю вам, что есть только одно средство справиться с этими людьми: расстолпить их».

Для того, чтобы совершить это, решили самодержавные полки уздать в Ирландию для успешной восстания. Солдаты отказались иди. Тогда их начали расквартировывать в различных местах, чтобы разгромить, каждую часть в отдельности. Это послушило сигналом к начальному мятежу. Солдаты подошли к зданию гостиницы «Бенк», где жили их знаменоносцы и выпустили им выдать знания. Мы звания должны понимать, — говорили они, — но мы не сделаем этого, пока наши требования не будут удовлетворены. Кромвель прибыл нему на место происшествия.

удалось, благодаря его железной энергии, заставить мятежников и заставить их покориться. Одни из пяти «чиновников» по требованию говорят к казни. Солдат, выткнувший смертью показал, как умели умирать бедняки. «Пускай смерть — говорил он перед казнью, — не умрет, пусть она, напротив, ободрит вас!» И когда еще один человек не умирал, Томас Кромвель, вспомнив о своем прошлом, стал полковым «управителем». Соединившись, пленники представили бы грозную силу, раздробленные они были беспомощны. Мятежные полки покинули Лондон, чтобы присоединиться к своим единомышленникам. Кромвель, преследовавший их с беспримерной энергией, неожиданно наложил на них и вырезал их почты, поголовно. Так, из-за раздробленности, неорганизованности и отсутствия единства, «сидевших как каменные стены», был ликвидирован попытка крестьянской и мелкой буржуазии добиться своих требований в революции.

Тем менее мог этого добиться бывший юноша из зародышей рабочий класс. Но уже тогда, тридцать лет тому назад, он заявил о своих желаниях и убеждениях, когда они носили коммунистический характер. Целий раз сект в религиозной форме проповедовали и защищали коммунизм так же, как будущие кузаки в религиозной форме защищали общинность. «Истинные уравнители» утверждали, что земля должна быть установлена «республикой по библейскому образцу», ссылками на священные книги они доказывали, что земля должна принадлежать не отдельным людям, а всем народу.

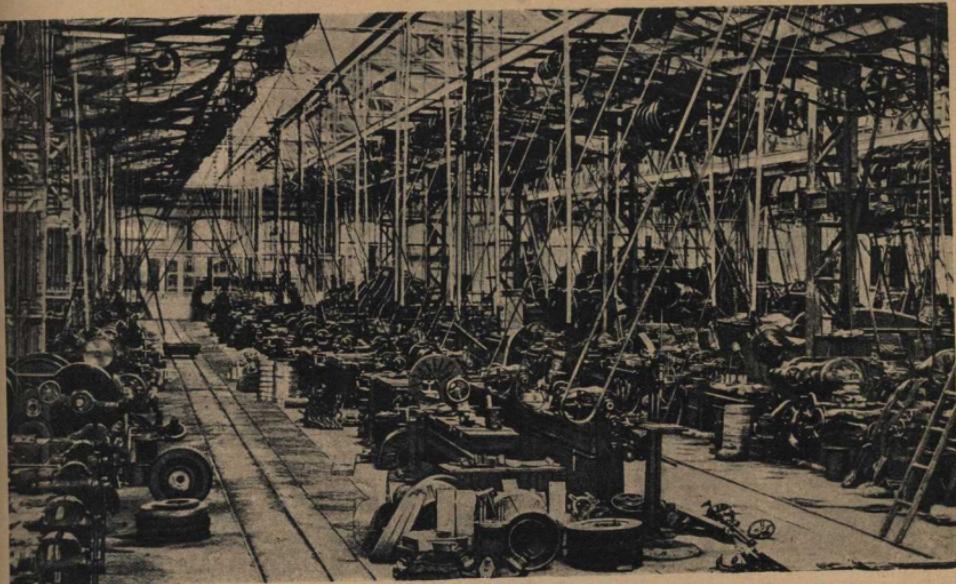
Однажды, совет получил сообщение о том, что на одном из холмов близ Лондона появился генерал Франц фон Паннеке с группой немецких и западногерманских расистских белых враждебных нам врагов и морковки. С каждым днем их было больше и обеспокоенный генерал решил вызвать главарей этих чудаков. «Мы не настолько глупы, — заявили присшедшие, — нападать на чьи-нибудь владения или разрушать ограждения, это впереди лежит путь к величии и славе!»

Кончилось это тем, что генерал послал роту солдат разрушить дома «копателей», построенные с величайшими трудами к зимовке. Секта прекратила практические опыты и ограничилась только пропагандой своих взглядов.

Так, подавляя силой всех своих классовых противников, шла буржуазия к господству. Затем революция родилась капиталистическая Англия. Всеобщая забастовка 1926 г.—первый прорыв той революции, из которой выйдет новая античеловеческая Англия.

IV 8

МЕХАНИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ на советском машиностроительном заводе

БУДЕМ СТРОИТЬ СОВЕТСКИЕ МАШИНЫ!

Е. ДРОЗДОВСКИЙ

МАШИНЫ были известны уже в глубокой древности, но применялись они не в производстве, а, например, для осады городов (метание камней и стрел), для снабжения водой и т. д.

Но еще до начала 18 века уже были изобретены машины, повышавшие производительность труда, а именно: водяные и ветряные мельницы, ваяльные машины, дробилки для руды и другие. Изобретение этих машин не вносило особых изменений в жизнь и был человеком. Люди того времени даже боялись машин, так как видели в них своих конкурентов, боялись, что машины создадут безработицу и нередко даже вели против машин борьбу. Так, изобретатель ленточной машины Моллер был убит жителями Данцига (германский город).

Кроме того, машина находила тогда широкого применения, так как в те времена отсутствовала паровая машина, при помощи которой впоследствии стало возможным легко приводить машины в движение. Но уже к концу 18 века англичанин Джекс Уатт изобретает паровую машину, за ним Хартревс и Аркрайт изобретают прядильную, а Картрайт — механический ткацкий станок.

Сначала рабочие, видя, как машина уменьшает спрос на ручной труд, нередко разрушали фабрики и заводы и избивали изобретателей. Но затем, понятно не сразу, рабочие стали понимать важность и серьезное значение машинного производства и выгоды, которые она дает.

Какие же это выгоды?

А вот какие. Машина может дать силу, которую не смогут развить сотни и тысячи людей. Машина меньше изнуряет рабочего.

Сравните, например, работу кузнецов с работой рабочего при паровом молоте.

Машина дает более прочные изделия. Только машина способна выпускать совершенно одинаковые по качеству и виду изделия.

Машина чрезвычайно увеличивает скорость производства. Например: ручная швей делает около 50 стежков в минуту, ножная швейная машина делает около 600 стежков, а машина с механическим двигателем — около 1.500 стежков в ту же 1 минуту. Или другой пример: при выделке булавок ручным способом 10 рабочих могли сделать в день не более 4.800 булавок. Теперь же 1 рабочница работает сразу на 4-х машинах и выделяет в день около 600.000 булавок.

Благодаря такой скорости, производство становится дешевле: раньше при ручном производстве стальных перьев гросс (144 штуки) их обходился около 70 рублей, а теперь, при машинном — гросс обходится копееек в 25.

А удешевление продуктов производства, понятно, ведет к росту потребления, к улучшению жизни.

Благодаря этим своим достоинствам, машина завоевывает все, проникает всюду. Возьмите любую отрасль хозяйства, и каждая нуждается в машине: сельское хозяйство, транспорт, связь, коммунальное хозяйство, фабрики, заводы. Нужны

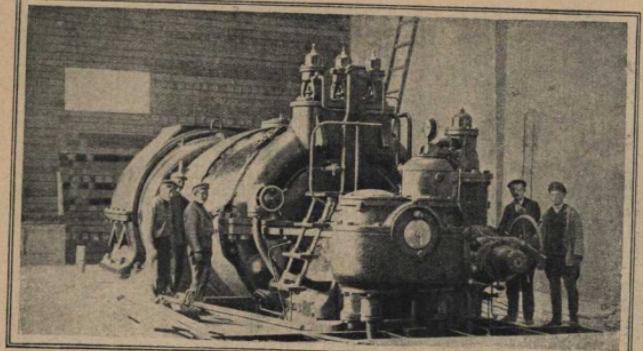
сельскохозяйственные орудия, тракторы, автомобили, паровозы, пароходы, вагоны, телефон, трамвай, силовы и осветительные установки, моторы и, наконец, станки всех видов и систем.

Как же обстоит вопрос с машиностроением у нас? Какие машины мы сами строим? Какие нам нужны? Что мы покупаем за границей?

Разворачивание нашей промышленности началось с 1920 г. Приходилось начинать восстановление промышленности, имея достаточно потрепанные заводы и фабрики. Мы начали восстанавливать наиболее мощные заводы, но постепенно, по мере роста наших потребностей, стали вводить в работу более старые заводы. Но старые заводы как ни нагружай, а 100% выработки от них пельзя добывать.

Почему же одновременно с восстановлением старых заводов нельзя было начать их полного переоборудования и постройки новых заводов? Потому, что все силы и средства пришлось прежде всего бросить на производство предметов широкого потребления.

С началом новой экономической политики деревни и город сразу же предъявили громадный спрос на предметы широкого потребления. Но дальше — больше: потребности города и деревни продолжают расти. В особенности деревни. Деревня стала богаче: во-первых, она обогащалась от тяготы выкупных и арендных платежей царского режима; во-вторых, сельское хозяйство вообще быстрее

ТУРБОГЕНЕРАТОР, построенный на советском машиностроительном заводе

оправляется, так как средств для его восстановления нужно меньше. Помимо этого повысились цены на с.-х. продукты. Все это сильно подняло спрос на товары. Поэтому прежде всего и надо было поднимать производство этих товаров.

Но здесь уже недостаточно добиться только довоенного уровня в количестве производимых товаров. До войны капиталисты России ежегодно увеличивали стоимость своих фабрик и заводов на 300 милл. руб. Этого же надо добиться и нам. Наши потребности больше и шире, чем потребности довоенной России. Как же их удовлетворить? Ведь на все нужны деньги. Неужели ити на поклон к Европе? К Америке? Это значит становиться в зависимость от капиталистов, которые дорого дали бы за удушение нашей страны и склерут с нас так называемые «божеские» проценты.

Какой же выход из этого положения?

Ведь и сейчас жестокая необходимость заставляет нас ввозить заграничное оборудование в обмен на наше сельскохозяйственное и другое сырье, вывозимое за границу (хлеб, уголь, нефть, лес, пушнина, лен, яйца, масло и другое), и на золото.

Т. Сталин на XIV съезде партии сказал: «Если мы застринем на той ступени развития, на которой нам приходится ввозить оборудование и машины, то мы не можем быть гарантированы от превращения нашей страны в придаток капиталистической системы».

Из этого следует, что мы не должны дольше оставаться сельскохозяйственной, сырьевой страной, а должны держать курс на собственную, советскую машину, построенную у нас. Мы должны не только производить предметы широкого потребления — ткань, обувь, одежду, металлические изделия, автомобили и прочее, но и наладить у себя производство всех тех машин и станков, которые нужны для выработки этих предметов.

Какие же у нас виды на машиностроение и какими силами мы располагаем? По машиностроению у нас работает сейчас ряд крупных и хорошо оборудованных заводов, объединенных в тресты (Гомз, Ленинмаштрест, Мальцонргут, Южмаштрест, Момсаштрест и другие). Специалисты по машиностроению даже считают, что в области машиностроения и изго-

потребность в заграничных металлоизделиях выразилась в 126 милл. р. В этом отношении мы, стало быть, имеем плохое наследство царского режима и пока что зависим от заграничного рынка: довоенная Россия все наиболее сложные станки тоже ввозила. Теперь наша потребность в станках еще более обострилась, так как нужно строить новые заводы и переоборудовать старые, изношенные и устарелые.

А устарели наши заводы сильно. Сейчас американские заводы работают на станках со скоростью в 2—3 раза большую, чем мы, т.е. один американский завод среднего типа по скорости работы стоит выше трех некоторых наших. А у Форда, — там достигнуты исключительные результаты. Если нам нужно сверлить в части машины отверстия, то мы работаем, потом над каждым отверстием в отдельности. А у Форда применяется такой многошпиндельный станок, который охватывает предст с всех сторон сразу и делает в $\frac{1}{2}$ минуты сразу несколько отверстий, на которые мы должны затрачивать часы.

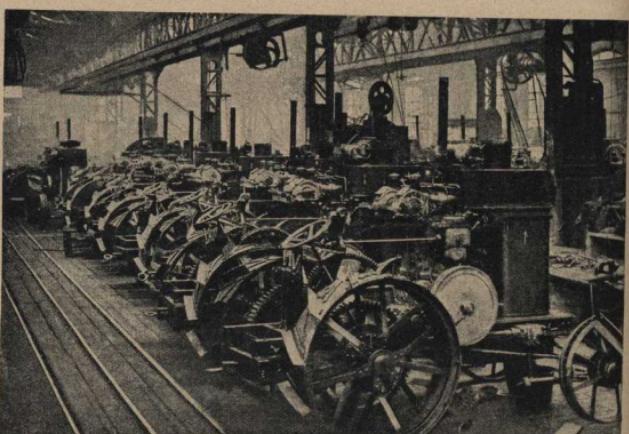
У Форда имеется машина, которая дает выход в 200 штук готовых болтов в час.

За границей сейчас усиленно переходят на электрическую плавку чугуна особыми печами. Этот способ плавки в несколько раз быстрее и дает металла более ровного качества, т.е. лучший.

И вот, хотя мы и ставим у себя отдельные производства, но выпуск изделий мал и не покрывает нашей нужды в них. Кроме того, наше производство, ведущееся на старых, износившихся машинах, обходится нам дорого, дает много брака и требует лишних усилий рабочего.

Сейчас мы ввозим машины, главным образом, из Англии и Германии, а отчасти и из Италии, Франции и Швейцарии.

Этими машинами, за которые заплатено нашим золотом и трудом рабочего и крестьянства, мы должны поднять нашу промышленность на следующую ступень хозяйственной техники.

СЕРИЯ ТРАКТОРОВ, построенных на советском заводе

МОРСКИЕ АРТИКУЛЫ

(В ЦАРСКОМ ФЛОТЕ)

ЧТО ОСТАЛОСЬ ПОЗДИ?

ГОДЫ революции отбросили в историческую давность тот режим беспоини и издевательства над матросом, который существовал во царском флоте. Молодежь из современного поколения матросов могут лишь смутно представить себе, каким образом обстановку недавнего прошлого, но она жива еще в памяти многих старших товарищей по флоту.

Из писанной истории мы знаем, что Петр I создал русский флот и что при нем же были изданы морские уголовные законы под называнием «Морских артикул».

«Артикулы» положили начало режиму наложенной дисциплины во флоте.

Вот несколько примеров из практики этого первого морского законодательства:

Матроса на военном корабле за одно пологзрение в крахе офицера, сбившего «козелами», т. е. изогнувшись, отстрелил и прокатали с бака до кормы под килью корабля; за трехчасовую отлучку с корабля матросов приезжали «под корабль подтаскивали» по три раза и быть у матчи по 200 ударов канатом.

И далее—за попытки побега с корабля, за покражки и случившиеся пьянство—читаем мы в приголовах морских судов петровского времени—матросам рубили головы, их вешали, колесовали, или «кошками» (плети из сиромятных ремней), и кнутами, ссылали и заковывали в цепи, а допросы, в целях «искренно раскрытия» и правильного производства показаний производились с «пристрастии».

Но были времена еще глубоко коренившихся обычаев и нравов эпохи крепостничества. Проступки матросов вызывались тяжелыми условиями службы в парусном военном флоте, длившейся десятки лет. Службы же понималась как нечто обязательное и непреложное; —удел, который дан Богом, и никем более. Офицер в глазах матроса был его барином, которому нужно прислушиваться беспрекословно.

Но едва ли лучше обстояло дело в царском флоте, в разделинах которого строится новый рабочекрестьянский Красный флот.

Самодурство офицеров, полный произвол над личностью матроса, издевательства, мордобития и всевозможных истязания оставались бытовым явлением во флоте. Судебные же взыскания за малейший проступок матроса попрежнему основывались на тех же «морских артикулах».

Не будем говорить о наказаниях во флоте 200 лет тому назад или в 1905 году, когда матросская масса активно и открыто выступала в революционную борьбу. Обратимся лишь к «довоенному» периоду, т. е. к 1913—14 г. г. и увидим следующие цифры: в 1913 году сидело в тюрьмах морского военного ведомства 5.348 матросов, в 1914 году—3.701.

Дисциплинарных же взысканий, наложенных на матросов без суда, в 1913 году было 19.335, в 1914 году—16.127.

А сколько было случаев истязаний матросов офицерами, сколько было напанено побоев матросам!

Отдельные факты прямо потрясающие.

Вот несколько таких историй.

О МАТРОСЕ ПЕТРЕ ШУЛЯКЕ

ИСТОРИЯ разыгралась на военно-морском транспорте «Кронштадт» в 1906 г. Транспорт «Кронштадт» в то время совершил переход из Балтийского моря в Черное. Атмосфера была насыщена революционной грозой. **РАССТРЕЛ ПОД БРЕЗЕНТОМ** матросов, не исполнивших приказания комфандира («Броненосцу Потемкин»)

1905 года, еще не умолкли отголоски восстаний Черноморского и Балтийского флота.

О Шулляке, о его происхождении и жизни до службы во флоте мы ничего не знаем. Лишь из приговора Главного военно-морского суда, где в порядке ревизии рассматривалось дело матроса Петра Шулляка, уже погибшего в кампании 1905 года, известно что еще в детском возрасте его сильно удалился в голову лопаць, после чего Шулляк страдал частыми головными болями.

История с Шулляком началась с удара в зубы, нанесенного ему (может быть, и не впервые) 11-го сентября кулаком старшего офицера—лейтенанта Петрова. Этот удар вызвал у Шулляка приступ головной боли и заставил его обратиться к помощи врача.

Спустя две недели—20-го сентября—транспорт «Кронштадт» стоял в гавани г. Адрия.

В 9 час. утра, после обычного завтрака, команду вывели на шанцы для разводки по работам. Матрос Петр Шулляк стоял также во фронте и ждал наряда. Когда дошла очередь до него, то он заявил разводящему по работам в присутствии лейтенанта Петрова, что он болен и работает не может. Судовой врач и тот признал, что Шулляк действительно болен. Но, несмотря на это, Шулляку приказали мыть краску по правому наружному борту корабля.

Лейтенант, разводящий по работам, для излечения головной боли решил выесьсать большого збора борт корабля, под паяющие лучи африканского солнца.

Шулляк оказался не из числа покорной серой скотинки. Он от работы отказался:

— «Не могу и не буду работать, хоть меня бейте или как хотите, так и наказывайте, а работать не буду».

Об этом сразу доложили командиру транспорта. Последовал приказ: «привести Шулляка в бесседку и спустить за бортом».

Призвавши Шулляка в бесседку нарочно вывалив из лодки корабль. Изумленный и больной Шулляк не выплыл. У него вырвались угрозы по адресу офицеров.

«Эх вы, кровопийцы!—выкрикнул Шулляк, — а не христолюбивые воины, чем так-то вязат, вязите за глотку. Не имеете права меня мучить. Здесь вы волны распространяйтесь, а вот как будем дома, то посмотрим».

А ссылающимися его матросом из караула он просил:

— «Не вязите, ведь, не скотину вяжете, а своего брата. Мало ли что вам прикажут».

Шулляка все же спустили за борт связанным и прикрепленным к бесседке. Случилось, что в бесседке у Шулляка выпала книга, которую подобрала плывущая мимо лодка. Это было замечено с корабля, и Шулляку пришлось управлять, чтобы гребцы не подходили к трапу корабля и не сдали книгу команде. Очевидно, Шулляк не был чужд политики...

И. АНКУДИНОВ,
комиссар штаба мор-
ских сил Союза ССР

снимки З. ЧЕБОТАЕВА и

Э. ТИССЭ

«АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ»—линейный корабль Балтийского флота, на котором служил комендант Дурановский

Вероятно, отчаяние и безвыходность положения толкнули Шуляка на рискованный шаг. Он развязался и спрыгнул с бенедик в проходившую случайно частную шлюпку и стал уговаривать гребцов, чтобы они увезли его.

Но это не удалось, и Шуляк был возвращен на корабль.

Его вновь привезли к беседке, пригрозив пуней...

Наступило обеденное время. Сменилась вахта.

В 2 часа 15 минут была поданы команды: «все наверх, с якоря сниматься», а Шуляк был оставлен сидеть голодный в беседке, обреченный на поход за бортом.

Когда трапсы снялись с якоря, у трапа было оставлено лицо, которому было приказано «свечать» на посту, оставлено в беседке.

Около 3 часов матрос Петя Шуляк развелся в беседке и стая на ноги.

На окрик дежурного мичмана «сесть», Шуляк, подняв голову вверх, крикнул: «Привяжите, братцы!» и бросился в воду. Вся эта картина происходила на глазах алжирцев, которые проклиняли корабль.

Мичман, споткнувшись об трапе, сейчас же выпустил на Шуляку все 6 пуль своего револьвера.

Лейтенант Петров, услышав выстрелы, бросился к поручням и, увидев плавущего матроса, также разбрался по удальянской цепи сковы наган.

Стоявший же у трапа часовий в Шуляке не стрелял и объяснил это тем, что «задел обойма».

Все заметили, что Шуляк перестал работать руками, решившись.

Но Шуляк был подобран лодочником шлюпкой. Он оказался раненым в голову, но не серьезно.

По делу было назначено следствие. Судили, конечно, Шуляку за открытое неповинование и оскорбление начальства и подстрекательство к тому же караула.

25-го сентября командир транспорта положил на решение комиссии, признавшей виновным Шуляку, следующее заключение: «Согласиться с мнением комиссии и на основании «высочайше» данной мне власти, приговорю матроса 2-й статьи Петра Шуляку к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстрел». Приговор привести в исполнение по выздоровлении осужденного. Решение командира было обжаловано в приказе по кораблю.

3 октября 1906 г. на острове Березов, около склонов могил лейтенанта Шмидта егерь топорищ, вырос новый холмик. Здесь скончался Шуляка...

История Петра Шуляку обнажает жестокость властей. Следующая история расскажет нам о том классовом лицемерии, которое пронизывало сверху до низу всю эту среду.

О КОМЕНДОРДЕ ДУРАНОВСКОМ И ЛЕЙТЕНАНТЕ АЛЕАМБРОВЕ

ФЕДОТ Дурановский был родом из крестьян Волжской губернии. На службе во флоте находился с 1909 г., был грамотный, имел специальность токаря.

По характеру своему он даже военно-морскому прокурору показался человеком симпатичным.

О лейтенанте же Аламброве и его жестокости ходили слухи во всем Балтийском флоту, и назначение на линейный корабль «Андрей Первозванный», где свирепствовал этот тигр, считалось равносильным смерти. Вот с таким-то человеком пришлось столкнуться Дурановскому.

* * *

27-го ноября 1910 года после трудового дня и обычной «святой» вечерней молитвы» раздались команды дежурному лейтенанту: «Коинки браты».

За коинками нужно было подниматься из верхней палубы. По трапам, которые вели наружу, по установленному порядку надлежало подниматься бегом.

На этот раз команда поднималась довольно медленно, особенно замешкались у носового

трапа. Последним по этому трапу тихошел комодор Дурановский.

Присутствующий на молитве лейтенант Аламбров наблюдал за движением. Заметив особо отставшего «коинки», Дурановского, Аламбров с криком «бегом» бросился и подтолкнул его вперед. Затем он вдруг приказал привести к нему отставшего по трапу.

Дурановский был представлен перед грозные очи лейтенанта. «Не болен ли ты?» — задал вопрос Аламбров. — «Не болен, только палец на руке болит» — был ответ.

После такого ответа Аламбров решил на сию грядущий обучить комондера, как надоходить по трапам. Повернув его «кругом» мариши и в придачу ударив кулаком в голову, он приказал: «пробежать десять раз вверх и вниз».

У Дурановского закружились голова, потемнело в глазах, он попятился в сторону и проговорил: «Ваше высокоблагородие, нельзя бить».

Аламбров дважды повторил приказание, но Дурановский не двинулся с места, так как почтительно склонил голову.

Усмехнувшись в этом не послушанию старшему офицеру, Аламбров вызвал караул и приказал: «Заставьте Дурановского побежать по трапу вверх и вниз десять раз, пустите в ход приклады».

Для этого он велел ставить одной части караула внизу у трапа, другой наверху.

Караул выстроился.

Дурановский, прийдя в себя и видя, что дело будет плохо, поднялся по трапу. Там его встре-

чили. После осмотра врачом Дурановского снаша пошел спать, но вскоре пришел тот же фельдебель и по приказанию лейтенанта отвел его в карцер.

Что же было дальше? Конечно, — предание Дурановского суду.

Вся описанная история ни в какой мере не опровергнута Аламбровым даже в глазах офицеров, и Аламброву нужно было найти оправдание своему возмутительному поступку и обвинить Дурановского в открытом исполнении приказаний старшего офицера.

Но описанный случай был чересчур комарен. Департаментом поискал способ допустить морскому министру о брожении среди матросов линейного корабля «Андрей Первозванный». Главный военно-морским прокурором была получена масса анонимных писем матросов флота об этом возмутительном явлении.

Вся печать России, даже чрезсортенная газета «Новое Время», сочла нужным отметить этот случай.

Более того, 17-го марта 1911 года «крайне левые» государственной думы потребовали обсуждения этого морского министра.

Главному военно-морскому прокурору пришлоось дать эти объяснения думе, в которых он признал действия старшего лейтенанта Аламброва незаконными и говорил о предании его суду.

Страсти разгорелись.

В ответ на речь прокурора, на представление дела газеты через газету, Аламбров в жалобе, поданной по начальству, вдруг заговорил о гуманности:

«Если господа прокуроры произведут высшую меру гуманности к Дурановскому, человеку заведомо красному, не сумеющему и двух лет честно прослужить царю и родине, то почему же в этой гуманности отказано мне?»

В результате слезливой гравоты «обиженного» офицера иствергнули все верхи флота.

«Гуманный» прокурор был сразу в позиции.

Правительственное центральное место в заседании центрального признания прокурора:

«За последние годы», — писал прокурор, — «в особенности после пережитого сухого времени, уклад жизни и многие взгляды простого народа подверглись, под влиянием усиленной противоправительственной пропаганды, значительные изменения».

«Прежде поступавший на службу нижний чин видел в службе исполнение долга, хотя, может быть, и тяжелого, а офицер — не только поставленный над ним начальником, но и барин, авторитет которого он прынцами признавался», — писал прокурор. Теперь на службу, нижний чин видел в службе исполнение долга, а офицер — не только поставленный над ним начальником, но и барин, авторитет которого он прынцами признавался».

Дальше он останавливается на «тяжелой доле», офицеров, «запасных офицеров», которые не только обучают юношеских юнкеров службе и дальнейшим руководят ими, но и превращают этих руку в вполне благородные, злонамеренно распространявшиеся среди заблудивших людей в верхних смыслах и слуг престола и отечества».

«Для того, чтобы достичь этой задачи и получить влияние на подчиненных нижних чинов, офицер прежде всего необходимо создать себе в их глазах авторитет, разить в сознании нижних чинов твердое убеждение в том, что все это есть веление закона».

Таков смысл «умных» заключений дальневидного прокурора.

Преziдентом морского министра дело было прекращено, так как в нем ясно замешалась империя, и только такой неожиданный поворот событий спас комондора Дурановского от участия, подобно той, которая постигла Шуляка.

Вот картина матросского беспрания в царском флоте. И это только крошкин уголок ве-

ЦАРСКИЙ СУДОВОЙ РЕЖИМ: судовой врач признает водным в пищу испорченное мясо («Броненосец Потемкин»)

тили прикладами и он постягивал вниз на спину. Внизу его встретили тем же, приподняв прикладами наверх. Наверху та же история. Снова скатившись вниз, Дурановский встал, запахнул и едва проговорил:

— «Боже мой, да что же я сделал? Разве же можно так издеваться над человеком?»

Старший офицер на это ответил:

— «Беги, а то я прибываю».

Дурановский начал быстро бегать по трапу вверх и вниз. И, когда он пробежал ровно десять раз, подошел к Аламброву и доложил ему:

— «Десять раз, выше высокоблагородие».

Возмутительный случай издергательства и избиения произошел с собрал толпы матросов, которых несколько раз разгоняли дежурный офицер Дурановского отпустили ити спать.

В 12 часов ночи ему нужно было уже становиться на вахту.

Через полчаса фельдебель приказал Дурановскому встать, одеться и явиться к лейтенанту.

Дурановский явился к Аламброву, который спросил его:

— «Ну, как ты сейчас чувствуешься?»

— «Еще не очень плохо», — скротично ответил Дурановский.

После этого визита Аламбров приказал ему ити на осмотр врача.

Врач констатировал ряд кровоподтеков и опухолей.

ЧТО ТАКОЕ ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ

Ю. РАЛЛЬ, КОМАНДИР ЛИНКОРА «МАРАТ»

СОВРЕМЕННАЯ техника не позволяет исчерпывающе решать все вопросы морского боя с помощью одного какого-либо типа военного судна.

Для того, чтобы морская сила государства была на высоте, приходится иметь соединение судов разных видов и такое соединение принято называть флотом. В то же время суда, входящие в состав флота, по своему назначению разделяются на главные и вспомогательные.

* * *

Я ДРОМ классного современного флота, его главными силами являются линейные корабли. В их задачу входит бой с главными силами флота противника, борьба с приморскими крепостями и содействие своей армии, продвигающейся вдоль морского побережья.

Для наступления у линейного корабля имеются крупные и дальновидные пушки. Большая скорость позволяет ему догонять противника и приуждать его к боя. Большой запас топлива дает ему возможность уходить в море на долгие сутки.

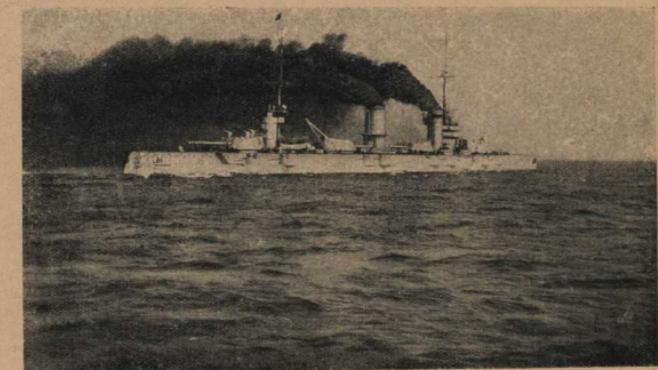
Но это еще не предохраняет линкор от противника. Между тем, так как сила флотов, главным образом, измеряется количеством линейных кораблей, то для уничтожения их не брезгуют никакими средствами.

На линейные корабли в военное время нападают с моря (такие же корабли, как они), из-под воды (подводные лодки, мины и торпеды), с воздуха (бомбы с самолетов и дрирокаблей).

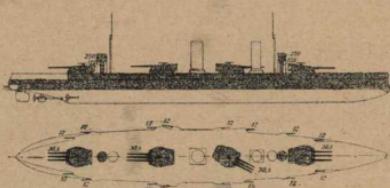
Чтобы уберечься от этих опасностей, линейные корабли защищены всевозможными способами. Они имеют для защиты от снарядов крупной артиллерии, как можно более толстую броню, которой обшиваются наружные части корпуса.

Для защиты от нападения торпед, выпущенных минноносцами и подводными лодками, а также от торпед, поставленных под воду мины, линейные корабли имеют по 3 дни и по 3 борта, отставляемых друг от друга на некотором расстоянии. Такое устройство дает надежду, что взрыв не распространится внутри корабля и не повредит наиболее важных частей его внутреннего устройства.

Для того, чтобы не потонуть на случай, если все-таки 3 дни или 3 борта будут разрушены, поперек корабля строятся водонепроницаемые переборки. Они ограничивают затопление водой небольших частей корабля в то время, как остальная корабль остается исправным и может продолжать бой. Это остроумное устройство избавляет нас от необходимости покрывать непробиваемой толстой броней весь корпус корабля полностью. Простые расчеты показывают, что если бы мы такое бронирование осуществили, то корабль стал бы таким тяжелым, что мог бы держаться на воде и пошел бы ко дну, как топор.

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ «МАРАТ»

БРОНЯ ЛИНКОРА — эта схема изображает обычное расположение брони на линейном корабле

рушения, испортить артиллерию или машины. Для противодействия им в линейных кораблях строят бронированные палубы. Эти же палубы предохраняют корабль от проникновения внутрь его тяжелых снарядов противника, выпущенных с дальнего расстояния и попадающих не в борт, а на палубу.

Наконец, линейные корабли в последнее время получают целый ряд приспособлений для защиты их от проникновения внутрь ядовитых газов, выпускаемых противником.

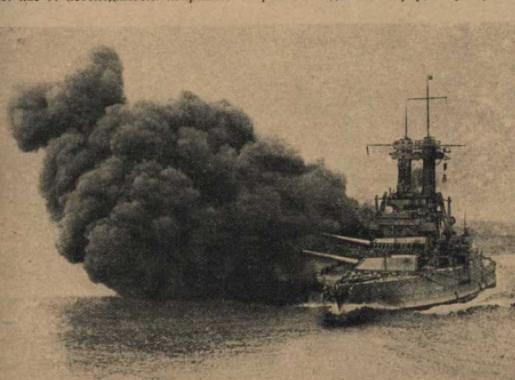
Линейные корабли вооружены еще артиллерией мелкого калибра, для отражения попыток минносцев приблизиться для выпуска торпед, а также подводных лодок и самолетов.

Отсюда видно, какими сложными техническими сооружениями являются линейные корабли.

Вес такого линейного корабля колеблется от 25.000 до 35.000 тонн. Вес этот измеряется весом вытесняемой погруженной частью корабля воды и иначе называется водоизмещением.

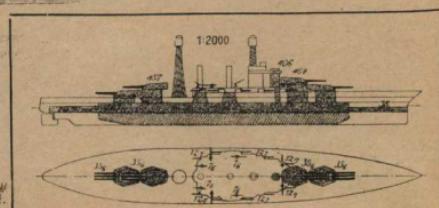
Сила машины такого корабля достигает от 42.000 до 100.000 лошадиных сил, а для обслугивания его нужно около 1.500 человек, разбивших на 40 узлов спешливостью.

Стоимость линейного корабля обходится по 1.000 рублей за тонну водоизмещения, т. е. линейный корабль с водоизмещением в 2.700 тонн обходится при постройке около 27.000.000 руб.

АРТИЛЛЕРИЯ СОВРЕМЕННОГО ЛИНЕЙНОГО КОРАБЛЯ: здесь изображен американский линкор «Калифорния» в момент залпа его двенадцати 14-дюймовых орудий.

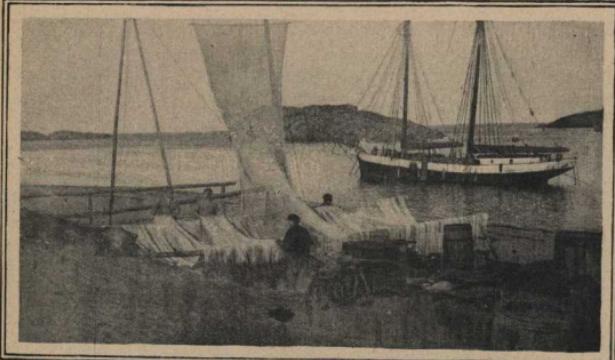
Снаряды такого залпа весят больше 400 фунтов и летят сильне за версту.

БРОНЯ НА «КАЛИФОРНИИ» — здесь показан линкор, у которого забронирована и середина подводной части для лучшей защиты от мин

КУДА ЕХАТЬ ЛЕТОМ?

НА МУРМАНЕ
Н. ИВАНОВА

ПРОСУШКА И ПОЧИНКА СЕТИ перед отправлением на лодку в океан. На заднем плане—типичная мурманская рыболовная избушка

Пловучему Морскому
Научному Институту...

БЫСОКАЯ прибрежная скала. Беспрецедентный океан. Изрезанный берег. Как опрокинутые, стоят ближайшие скалы. Где скала, где ее отражение в воде? Над горизонтом солнце. Золотая полоса искрятся и играет на гребнях волн, сверкает, переливается в брызгах пены.

Тихо, как заколдованые, стоят скалы, сверкают, искрятся океан. Розовеют облака.

Часы показывают час ночи.

Где мы? На Мурмане, далеко-далеко за полярным кругом. В сказочной стране полуночного солнца.

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ гавань. Порт Александровск.

Взорваны динамитом суровые гранитные скалы. Прочный помост пристани повис над океаном. Широкое шоссе—опять динамит. Сгрудились постройки, перемешались со скалами. Прямо в воду смотрятся окна.

Пароходы, боты, шняки, елы. Шлюпки всех величин и видов. Острия мачт точно грозят небу. Чайки шныряют среди сети веревок и мачт. Вороха морского килья. Горы бочек с ворванью и рыбой. Груды туленевых и моржевых шкур.

Участные шапки, поморки, тяжелые сапоги, короткие трубы в зубах. И через пять слов, шестое—треска. Финны, русские, лопари, шведы, норвежцы, англичане,—кого тут не встретишь! Рядом с автомобилем разлапистый северный олень, рядом с миноносцем—нордландбот, «корабль викингов»¹⁾, рядом с огромными трампами—прimitивные яруса. Двадцатый век и... десятый.

Черное, белое и голубое. Только три цвета. Голубое—небо? Нет! Черные осьмы и холмы, сплошные слои шифера. Безднажено-унылы черные равнины и овраги, черные долины. Они строги, суровы. Вдруг яркое голубое пятно. Еще! Еще! Цветы. Громадные пятна незабудок. Точно небо

В ВЕРХУ—ЛДИНЫ, плывущие в горле Белого моря

В НИЗУ—ЛОВЛЯ РЫБЫ В ОКБАНЕ. На снимке изображено вытаскивание яруса (рыболовной снасти в виде перевернутой оды) из рыбаков багром. держит треску, попавшую на крючок.

вдруг кусками попадало на черную землю. Не видно листьев, стеблей. Одни цветы. А рядом... рядом снег. Сверкающий белизны, режущий глаз. Черная, как уголь, земля, снег и незабудки. Точно в горячемном бреду разбросал художник белые и голубые пятна на асфальтной доске. Тонкий аромат несется от цветов, искристы, переливается алмазный снег, мрачно чернеют скалы. Кругом синее небо и синий океан. Ярко сверкало крыло птицы... Унылый крик чайки... И—тишина.

Черное, белое и голубое.

Одно из самых крупных промысловых становищ Мурмана—Териберка. Устье реч-

ки, Териберская губа, изрезанный берег. Стая промысловых судов—шняки, елы. Пароходы. Точно из норвежской саги²⁾ вырвались нордландботы. Высоко поднятый нос—еще варяги³⁾ плавали на таких.

Песчаная отмель. Кучки домиков. Длинные ряды разведенных сетей. Тянутое небо. В море, перед отмелью, лодки. С них кричат, машут руками. На берегу то одно, то другое крыло невода подтягивают ближе к отмели. Показались и крылья. Задышали в веерообразной ячее рыбки. Невод на берегу. Серебряной струей льется из матки в корзину рыба. Слышишь характерный запах огурцов.

Это ловят мойву, наживку для трескового лова. Никуда не уйдешь на Мурмане от трески. Везде она, все связано с ней.

...Промысловое суденчишко—болтается по волнам. Кругом—синий простор. Там—далеко, далеко к югу встают из океана высокие гранитные стены Мурмана, ярко блестят белые снежные пятна. Слышишь характерный запах огурцов.

Катята невысокие пологие волны, покачивают шняку. Откуда бегут они эти волны? От далекого, заманчивого в своей недоступности, полосы.

Качается шняка, дремлют поморы-рыбаки, подпрыгивают на волнах куски

¹⁾ Викинг—древний северный мореплаватель

²⁾ Народная песня, былина.

³⁾ Варяги—северный народ древности

дерева с фланжками—поплавки выметанного в воду яруса. Там, далеко в воде, тысячи бечевок с крючками, насаженными живыми рыбками—мойвой. Там, у дна, ходят стаями и они—треска, пикша. Подыгрывают поплавкам на воде, качается шнявка. Мы дремлем и ждем.

Пора. Быстро выбирается из воды веренка с камнем—акором... Вот и первые крючки яруса показались. Блеснула на воде крупная рыба, еще, еще... Дождем смыслился треска в шнявке.

— Палтус,—кричит рыбак. Огромная камбала неподвижно висит на крючке. Тяжелая—пудов до 5 весом. А подняли мы ее на тонкой бечевке—весь, в воде тащили.

Сильнее поднялся ветер. Пеной забели гребешки волн.

— Мачту! Парус!

Быстро несется шнявка к берегу, тяжело взбирается на гребни волн, точно проливается винь с волнами. Соленые брызги лежат в лицо. Багровые пятна полуночного солнца бегут, пляшут на волнах.

ТИПИЧНЫЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ ПОСЕЛОК на Мурмане

НЕБОЛЬШОЙ островок у входа в губу. Уступчатой стеной падают берега в море. Но почему-то уж очень светлы эти береговые скалы. Ноющие крики несутся от берегового островка. Неумолчные, однотонные... И еще просторнее кажется кругом от этих криков, еще выше и синее небо, еще темнее и бездоннее воды океана.

Островок ближе. Зашевелился берег. Рассыпалась тысячами светлых пятен. Замелькали белые точки в воздухе вокруг скал. Громче понеслись уныло-тревожные крики.

Чайки! Тучи их в воздухе, сплошь усыпанные ими прибрежные скалы.

Выстрел, другой...

Ах... Точно зимний буран помчался, словно выгойю взбросило воздух снежный сугроб и рассыпало его на живые хлопья. Нет воздуха, нет моря, нет неба, нет острова—одни птицы.

МНОГОКОННЫЙ дом смотрится в воду Екатерининской гавани. Шлюпка бренчит цепью у сходней. Какие-то странные сети сушатся. Точно гигантские сачки для ловли бабочек.

Мурманская биологическая станция. Здесь человек день за днем, лето и зиму старается раскрыть тайны морского дна.

Здесь пыльные глаза проникают в морскую бездну. Здесь холодный блеск микроскопа заменил солнечную игру в пене волн. Лето и зима, зима и лето. Стоит над станцией незахожающее солнце. Играют огненные столбы и вихри зимних сияний. Ревут бури. Станция работает. Конечно зимняя ночь, но и она кажется короткой для того, кто хочет знать.

На горизонте судно. Это «Персей». Пловучая лаборатория Морского Научного Института. Оттуда, с далекого севера, с океана идет судно. Несет на себе горсть людей и много, много... рыб, червей, морских ежей и звезд, раков, моллюсков. Скитается «Персей» по океану, исследует его бездны. Далеко уходит в воду его приборы, подносятся за них огромные сети-травлы, сграбжающие все живое с морского дна. Оттуда, из бездны холодного океана, вытачиваются новые, невиданные морские животные. С каждым днем, с каждым часом, открываются все новые и новые клочки от покрывающего тайны морского дна.

ШЛЮПКА у отвесно спускающейся в воду скалы. Тиха, прозрачна вода. Долой покрывало с морского дна! Все тайны его видны—одна картина сменила другую. Калейдоскоп жизни и живого. Чуть ползут морские звезды, медленно перебираются с камня на камень. Оранжевые—красные, с разтопыренными лучами, они похожи на какие-то причудливые пирожные. Морские жулики раскрыли створки своих домиков—панцирей. Быстро—быстро перебирают они своими усиками. Хва-

тают пожками, словно бегут. Бегут, а и с места. Расцвели, распустились цветы морского дна, выпустили свои щупальцы поганки-актинии. Красные, желтые, лиловые. То кучками, то в одиночку. Лесной стенной стоят заросли водорослей-фуксов. И так как птицы порхают в зеленой чаще ветвей леса, так здесь рыбы шныряют в подводном кружеве. Быстрыми скачками пронесся рапоч, другой, третий. Зашевелились, потянули кверху и закачались словно от ветра трубочки морских червей-трубачников.

Играет, блещет и переливается всеми цветами радуги полутенью окапской глуби. Искрится морская жизнь.

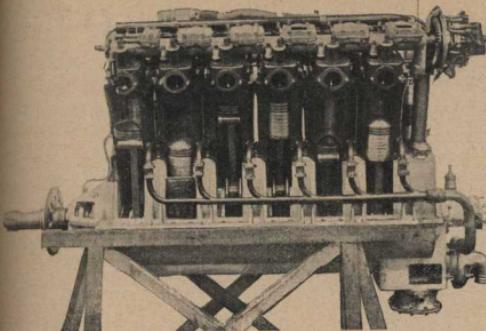
Чайки носятся над водой. Ярко сверкают в лучах солнца. Упала чайка вниз, присела на воду. Взмыла с воды—в клове рыбка. Охотятся чайки... Медленно летит большая серая птица-поморник. Летит, посмотрывает. Бросается к поймавшей рыбку чайке. Заметалась чайка. Туда, сюда. Упала рыбка из кловов. Подхватил поморник рыбку. Вот и он с добчей. Бандитом живет поморник. Грабит чаек.

Теплое, ласковое солнце на небе. Синий океан... Пароходный гудок доленесся. Встретились—человек и она. Она, природа. Извечные враги, извечные друзья. Извечно борьба его против нее. Но здесь не пароход. Здесь, в глуби океана, царит она

ГРАНИТНЫЕ скалы, клочки моха и травы, узор лишаев. Прижавшиеся к суховой земле корявые полузичные бородки. Отвесный берег с узкими щелями речек и заливов. Полуночное солнце и миражи летом, мерцание и пламенеющие вспышки северного сияния зимой. Киты, тюлени, моржи. Чайки, кайры, поморники. Палтусы, пикши, треска. Лов трески—жатва на дне океана. Треска—хлеб мурмана. Грохот океана на берегу и могильная тишина вдали от него. Пестрота жизни в океане и пустые, безжизненные скалы внутри страны. Бегут волны с севера. Бьются о скалы. Скалы эти—на краю света. Край света... Там, на океане, только небольшие островки. Там не встречаются люди. Там—царство льдов и белых медведей. Там—полюс.

ЗАСОЛКА ТРЕСКИ на промысловом становище (остр. Кильдин)

АЭРОПЛАННЫЙ МОТОР М5, построенный на советском заводе. У ча-
щадра снята часть передних стяжек, т.к. что видны порши и другие внутрен-
ние части мотора

КТО НЕ ЗНАЕТ о перелете летом 1925 г. 5-ти советских самолетов из Москвы в Пекин и двух из них—затем в Токио! «Перемахнув» через Урал, через тайгу, через Байкал, через пустыню Гоби, они преодолели 70.000 километров воздушного пути.

Но еще раньше, к сожалению, незаметно для широких масс, прошли две другие «вылазки» советских летчиков и советских самолетов за границу—мы говорим о перелетах из Баку в Тегеран через Каспий и из Ташкента в Кабул—через горный хребет Гиндукуш.

Разве перелет целых отрядов на высоте 4500—5000 метров через скалистые горы, не имея ни одной воздушной «вехи» (так как никто до того здесь не летал), но за то то-и-дело «сталившись» с горными вихрями,—разве все это столь уже просто даже при современном развитии авиации, что об этом говорить не стоит?

Нет. Но у нас, как это ни странно, больше делают для воздушного дела, нежели говорят о нем.

А говорить надо. Вот и теперь. Лето 1926 г. Лето—«воздушный сезон». Изынешним летом советская авиация делает не одну, а сразу четыре «вылазки» за границы нашего Союза—на Восток и на Запад. Помсмотрите на карту.

Их четыре. В одно лето, по разным направлениям, на различных самолетах, с различными условиями маршрута. Но есть у них несколько общих «элементов» — и это общее наша гордость,— уже наполовину сданный экзамен на «аттестат зрелости» молодой советской авиации. Ибо все четыре самолета—советской постройки, моторы трех самолетов также советской постройки. И все четыре лётника окончили советские воздушные школы.

25.000 КИЛОМЕТРОВ ПО ВОЗДУХУ

(БОЛЬШИЕ СОВЕТСКИЕ ПЕРЕЛЕТЫ)

Б. НАБАТОВ

Если прибавить к этому, что оба самолета, летящие в Европу, не только построены нашими заводами, но и являются самолетами оригинальной конструкции наших инженеров, то громадное значение предстоящих перелетов станет еще более понятным. Советская авиа-промышленность имеет честь «косязнутую».

Итак, четыре перелета. На Восток—в июне, на Запад—в июле—августе.

Первый перелет—Москва—Тегеран—Москва. Через Ростов и Баку, вдоль Кавказского хребта и Каспийского побережья. Около 6.300 километров. По этому маршруту на почтовом билете Р1 с мотором М5 летит выдающийся молодой советский лётчик, кавалер трех орденов Красного знания тов. Моисеев.

Второй перелет—Москва—Ангора—Москва. Туда через Севастополь и Черное море (290 км).

ПОЧТОВЫЙ САМОЛЕТ типа Де-Хавиланд 9, который полетит в Тегеран.
Он построен на советском авиазаводе

МАРШРУТЫ ПЕРЕЛЕТОВ, организованных Авиахимом ССР в 1926 году:
1—Москва—Тегеран—Москва; 2—Москва—Ангора—Москва; 3—Москва—Берлин—Париж—Москва; 4—Москва—Берлин—Париж—Вена—Варшава—Москва

Обратно—через Кавказский хребет над Венециано-Грузинской дорогой. Этот маршрут имеет протяжение около 4500 километров и летит на нем начальник авиаотряда, перелетевший через Гиндукуш, т. Межкауп. Самолет и мотор такие же, как на тегеранском маршруте.

Третий маршрут—Москва—Берлин—Париж и обратно, 6000 километров. На этом маршруте сподобится 8-местный пассажирский самолет ПМ1—«Авиахим», недавно сконструированный и построенный на одном из наших заводов, показавший при моторе Майбах всего в 260 л. с. сил. очень хорошие летные качества. Пилотирует самолет лётчик тов. Шебанов, налетавший уже свыше 100.000 километров на наших воздушных линиях.

Наконец, четвертый маршрут. Самый большой и сложнейший.

Москва—Берлин—Париж—Рим—Вена—Прага—Варшава—Москва. Шесть иностранных столиц, 7650 километров. Через итальянские и тирольские Альпы, через Апеннинские горы. Здесь летят наши металлический почтовый билайн АНТЗ с мотором М5 и пилотируют его лётчик тов. Громов—участник экспедиции Москва—Пекин—Токио.

Большие перелеты, столь частые за последние несколько лет за границей, насчитывают почти столько же неудач, сколько успехов. Но мы можем верить и в наши самолеты, и в наши моторы, и в наших лётчиков.

Они уже проверены в «Советском воздухе» и они выйдут победителями в борьбе с 25.000 километрами воздушного пути и на Востоке и на Западе.

САМОЛЕТ «АВИАХИМ», на котором будет сделан перелет в Париж и обратно

БЭРД ПРОТИВ

(ОТКРЫТИЕ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА)

может покрыть 2.000 миль в 24^h, суток и phenomena
нимает 18 пассажиров.

Непосредственно из Рима на Шпицберген су-
но лететь не могло, по дороге необходима была
продолжительная остановка, как для проверки
работы всех частей, так и для ремонта и попол-
нения необходимыми запасами. В Осло (столице
Норвегии) такая остановка была невозможна
там нет подходящих приспособлений и поэтому
за базу Амундсен выбрал огромный эллинг (бу-
жие для дирижаблей) в нашей стране, в д. С-
лози (около г. Троцка под Ленинградом). Вылет
из Рима, «Норвегия» только залетела на несколько
времени в Осло, куда прибыла 14 апреля

«БЭРД ГОТОВ ДЛЯ ПОЛЕТА НА ПОЛЮС», — это
снимок сделан в Кинесбее на Шпицбергене и изображает
«шарку» аэроплана Бэрда с борта парохода, привезшего
из Америки

В ВЕРХУ:
«ЖОЗЕФИНА
ФОРД», боль-
шой
трехмо-
торный аэро-
план системы
Фоккера, на
котором коман-
дир Ричард
Е. Бэрд и его
пилот Флойд
Бенчетт от-
крыли Северный
полюс 10 мая
1926 года

С ПРАВА: — ВСТРЕЧА ДВУХ СОПЕРНИ-
КОВ: Амундсен (справа) поздравляет Бэрда после
его возвращения с полюса. Улевес со Шпицбергена
в ночь на 10 мая, пока дирижабль Амундсена еще
не успел кончить мелких починов. Бэрд вернулся
днем 10 мая, открыв полюс под носом у Амундсена

10 мая 1926 года американец Бэрд открыл Северный полюс, а 12 мая норвежец Амундсен посетил его вслед за Бэрдом. Попытки открыть Сев. полюс предпринимались еще с конца XIV столетия со средствами, которые сейчас нам кажутся прямо детскими, — на жалких палубных судах, всецело зависавших от ветров. Имена Дависа (1585), Баренца (1596), Скоресби (1806), Парри (1827) известны всем, кто видел хотя бы одну книжку по полярным путешествиям. Но море до сих пор так и не допустило никого дальше 86 параллели с небольшим. И проникнуть до заветных 90 градусов северной широты удалось только... по воздуху, когда аэроплан и дирижабль достигли высокой степени усовершенствования.

Хотя до сих пор мы не имели еще полного описания обоих полетов, тем не менее полет Бэрда приходится считать только спортивной прогулкой. Но, к сожалению, и полет Амундсена, прекрасно оборудованный и прекрасно организованный, дал не больше, чем полет Бэрда. Амундсен, который открыл в 1911 году Южный полюс, много раз стремился достичь и Северного. В 1918 г. он совершил свое знаменитое путешествие по бер-

егам Сибири на судне «Мод», а в 1924 г. попытался достигнуть полюса на аэроплане. Эта попытка оказалась, как известно, неудачной, но она не уменьшила энергии Амундсена и вскоре он заинтересовался крупным капиталистом, американским инженером Эльвортом своим проектом достичь полюса на дирижабле, входил в сношения с итальянским правительством, и в результате на правительственном заводе около Рима сооружается дирижабль «Норвегия», достигший, наконец, полюса. Основой корабля «Норвегия» служит металлический корпус, который соединен с воздушными шарами или дирижаблем является сильнейшая зависимость их от состояния погоды — и больше всего от ветра. С целью обеспечить успех экспедиции, служба освещения пущенществника, о погоде и была организована правительством СССР, как никогда. Даже во время перелета

Амундсен и Эльворт 13-го апреля выехали прямо на Шпицберген, чтобы непосредственно руководить работами по устройству призальной масти для «Норвегии», а остальной экипаж оставался при корабле.

Вопреки первоначальным предположениям, дирижабль принужден был задержаться в Салозии на целых три недели. Слабым местом управляемых воздушных шаров или дирижаблей является сильнейшая зависимость их от состояния погоды — и больше всего от ветра. С целью обеспечить успех экспедиции, служба освещения пущенществника, о погоде и была организована правительством СССР, как никогда. Даже во время перелета

Амундсен не переставал получать все сводки о погоде. Но конца апреля погода была крайне неблагоприятна и отлет был невозможен. Кроме того, эллинг на Шпицбергене ока-

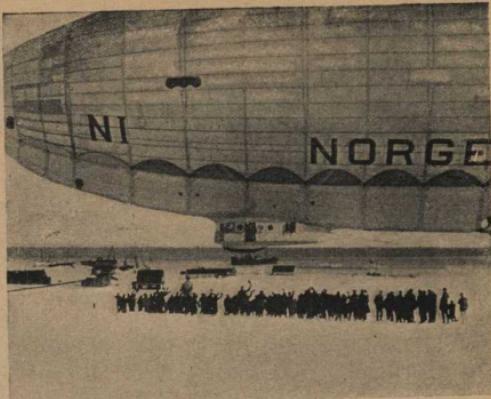
**КОНЕЦ ПОЛЕТА А «НОР-
ВЕГИЯ»** — на **в** **у** **т** **и**
в Америку «Норвегия» по-
лучила в полете ветров и
туманов. Была — сноша
и курса и пришлось
спуститься в Теллеру —
маленькой деревушке на
Аляске. Здесь изображен
вид Теллера с воздуха

АМУНДСЕНА

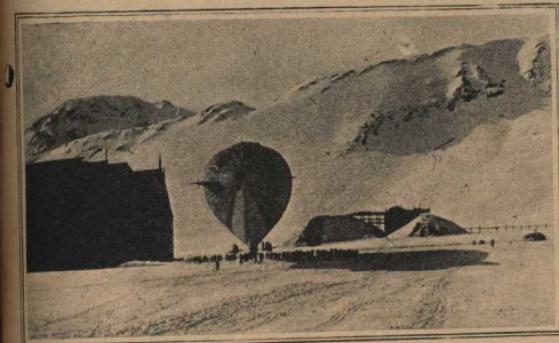
В. МУРАЛЕВИЧ, снимки «WIDE WORLD PHOTO»

залился тоже неготовым, так как сильнейший снегопад крайне мешал работам. Однако с этим решили не считаться и при улучшении погоды решено было лететь, хотя бы принал на Шпицбергене даже остался и не готовым. Действительно, покрыть его краиной так и не удалось.

Эти три недели прошли в усиленных работах по подготовке к дальнейшему пути. 5-го мая в 10 ч. 30 мин. утра «Норвегия» плавно поднялась с Салюса. Вначале погода благоприятствовала ей. Но в перешейке между Ладогой и Онежским озером налетел шторм. Дирижабль стало бросать из стороны в сторону, скорость его значительно упала и его так сильно качало, что он едва успевал выпрямляться. К пяти часам вечера, шторм однако стих и опасность миновала. Он летел на высоте 600—700 метров. В 5 ч. 30 мин. утра «Норвегия» благополучно прибыла

СПРАВА: «ДОБРЫЙ ПУТЬ!»—«Норвегия» отправляется в свое путешествие к Северному полюсу 11 мая 1926 года. Через 15 часов после отлета она прошла 750 миль и достигла полюса

в Вадзе, покрыв за 19 часов 1115 километров. Здесь она пробила недолго, взяла новый запас бензина и водорода и в 1 ч. 56 м. вылетела дальше, на Шпицберген. Теперь всю дорогу дул уже снежный, попутный ветер, и дирижабль, идя на двух моторах, делал до 100 верст в час.

7 мая в шестом часу утра «Норвегия» прибыла в Юнгсбей (на Шпицбергене). Тут встретились две экспедиции—дирижабль «Норвегия» и американский аэроплан «Жозефина Форд». Более подвижный, более легкий аэроплан американского летчика Бэрда смог вылететь раньше «Норвегии», в ночь на 10 мая, и вернуться

к четырем с половиной часам дня, 10 мая, достигнув впервые в истории человечества Северного полюса. Амундсен и Эльворт приветствовали их. «Норвегия» вылетела только

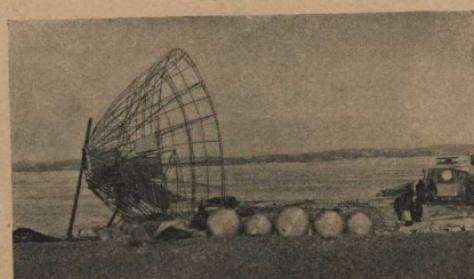
11 мая в 8 ч. 35 мин. по гринвичскому времени. Через 15 часов расстояние в 750 миль, отделявшее Конгсбей от полюса, было ею пройдено и «Норвегия» в течение 2 $\frac{1}{2}$ часов кружился над полюсом, производя необходимые наблюдения над безжизненной ледяной пустыней; земли, которую думали найти около полюса заранее получившей название земли Гарриса, земли, в которую так верил Амундсен, обнаружено не было. В море были брошены норвежский, американский и итальянский флаги, а затем и началось возвращение—уже в другую сторону от полюса—к мысу Барроу (на Аляске, в Америке); тот

СПЛЕВА: «Норвегия»—дирижабль полярной экспедиции Рольда Амундсена в момент прибытия на Шпицберген к своему аварии.

СПРАВА: РИЧАРД Е. БЭРД с sextантом, инструментом, которым пользуются для определения широты места.

этап (в 1250 миль) был покрыт в 28 $\frac{1}{2}$ часов и прошел без затруднений. Зато дальше пришло круто: сильнейший туман и ветер сбивали с правильного пути, куски льда, падавшие с обледенелых снастей и разбрасываемые пропеллерами, пробивали оболочку дирижабля, которую приходилось все время чинить. И такое испытание почкочного материала, перерывы в работе радио, крайне неблагоприятные атмосферные условия, заставили «Норвегию» окончить путешествие 14 мая в Теллере (небольшое селение в 60 милях от Нома на Аляске). Этот этап (в 700 миль) был пройден в 24 $\frac{1}{2}$ часа.

Загадка Северного полюса теперь решена, но решение показало, что долго искомый X равен 6: близ Северного полюса нет земли! А потому нет и пристанища ни для воздушных кораблей, ни для промышленников. Северный полюс оказался пока интересным только для науки.

ЗАНЕНАДОБНОСТЬЮ ПРОДАЕТСЯ—такова дальнейшая судьба «Норвегии» в Америке. Снимок сделан в конце мая в то время разборки дирижабля

ПРЫЖОК С ШЕСТОМ: левая фигура —норвежец Хофф (известный мировой рекорд —4,21 метра)—показывает, как надо держать шест при разбеге; правая изображает момент непосредственно перед прыжком в воздух. Следует обратить внимание, что руки в момент отыкания шеста в землю сдвигают

ПРЫЖКИ В ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ

Б. ГРОМОВ

В СМЫСЛЕ нагрузки на весь организм (но далеко не только на одни ноги)—различного рода прыжки стоят на одном из первых мест в легкой атлетике.

Прыжки развивают одновременно быстроту, ловкость, гибкость и умение владеть своим телом и мышцами.

Всего прыжков подразделяются на прыжки с места и прыжки с разбега. В легкой атлетике входят следующие виды прыжков: прыжок в длину (с разбега и с места), прыжок в высоту (с разбега и с места), тройной прыжок (с разбега и с места) и прыжок с шестом.

Все прыжки, за исключением прыжка с места, где в качестве опоры употребляется бамбуковый шест, производятся без каких-либо специальных приспособлений.

Прыжки должен отталкиваться или с уравненной земляной площадки, или с врытой в землю окопанной доски.

Прыжки не должен быть грузным, иначе ему будет трудно переносить свое тело через планку или тащить его прыжком в длину. Очень выгодно прыгнуть иметь длинные ноги: длинные рычаги помогут лучше перенести тело в нужное направление. Но не только ноги надо развивать прыжку. Этим самым мы дадим бы слишком большую нагрузку на них. Нет. Каждая мышца

тела прыгуня должна выполнить частичку возложенной на нее задачи. Только в прекрасной координации (согласованности) всех движений—здесь успех.

Начав тренироваться в прыжках, надо главное внимание обратить на изучение техники: без этого нас будут ждать неудачи. Не увлекайтесь длинными или высокими прыжками (во всяком случае на первое время).

Как только хорошо изучите технику—результат придет сам.

Прыжок в длину с разбега имеет весьма древнее происхождение. Греки, на знаменитых олимпийских играх демонстрировались эти прыжки, но с той лишь разницей, что атлет держал в руках отложение — гири, что теперь, согласно международным правилам, не разрешается.

Прыжок в длину состоит из четырех основных элементов: разбега, отталкивания, взлета и приземления.

СХЕМА ПРЫЖКА В ВЫСОТУ С РАЗБЕГА (английский стиль бокового прыжка)

ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ С РАЗБЕГА стилем «коррин». Это наиболее распространенный способ прыжка, который позволяет быстро и легко перенести тяжесть тела через планку. Здесь изображен американец Осборн, издавший мировой рекорд по прыжкам в высоту с разбега — 2,02 метра.

Совторой черты — бежите впю, стараясьовать нужной ногой на планку. Если это вам удалось и вы пропорции еще 4—5 раз, то разбег найден. Остается его точно измерить разбегом, чтобы следующий раз на тренировке знать точно размер.

Если же вы, предположим, не дошли ноги до планки $\frac{1}{2}$ метра, чтобы переступить ближайшую к планке черту ближе, то перешагните ее, сделайте наборот. Разбег делается вперед, без каких-либо подпрываний и перекатов с ноги на ногу. В результате разбега из разбега принцип следующего прыжка дает прыгуну высокий постеп, т.е. длинную траекторию, а разбег несет для прыгуна вперед, т.е. дает длину прыжка. Итак, при хорошем прыжке должен быть сильный разбег и резкий толчок вперед. Идеальным толчком будет подъем прыжки под углом 45° по отношению к земле. Совершив разбег, прыгун производит отталкивание одной ногой (левой или правой) — без различия). Для этого он разворачивает колено, ставит ногу, согнутую в колене, на доску, перекатом со всеми ступни на носок. Тулowiще наклоняется вперед, центр тяжести тела также уходит вперед, к пальцам ног; от этого прыжок

Есть другие способы прыжка в длину с разбегом, но они более трудны.

Прыжок с высоту с разбегом то что же состоит из 4-х основных элементов: разбега, толчка, полета и приземления.

Разбег имеет целью вывести прыгуна из состояния покоя, инертности, сообщить ему скорость и этим облегчить отталкивание. Разбег берется величиной от 10 до 15 метров от планки с любой стороны в зависимости от того, какой ногой, левой или правой, толкается прыгун. Место толчка определяется расстоянием двух ступней от планки в сторону разбега. Вторым элементом является толчок, который дает полу-

СХЕМА ПРЫЖКА В ДЛИНУ с одновременным подтягиванием ног—наиболее простого и легко-усваиваемого стиля

ПОЛОЖЕНИЕ ТЕЛА при прыжке в длину с разбегом. Это момент наибольшей высоты, после чего начинается приземление. Мировой рекорд поставлен Лежандром (С. Америка) — 7,765 метров

Как найти место на шесте, за которое надо держаться? Для этого существует следующее правило: при высоте до 3-х метров шест берется правой рукой сантиметров на 20—40 выше планки, при высотах, превышающих 3 метра, правая рука будет опускаться книзу по отношению к планке.

Сделав разбег, прыгун опускает шест на вытянутых руках в специально сделанную ямку. В момент толчка левой ногой правая рука выбрасывает шест над головой. Правая нога, согнутая в колене, делает резкий мах кверху.

Тело как бы пытается упасть на некоторое время на шест, после чего наступает подъем.

Существуют два способа прыжка с шестом: так наз. «нонзинки» и «лодочки». И тот, и другой способ — одинаковы в разбеге и толчке и различаются в момент работы над планкой.

При прыжке «лодочкой», прыгун производит толчок, до 40° по отношению к планке. Отталкивается можно любой ногой,смотря по тому, какая сильнее, но таким образом, чтобы она была дальше от оттолкновения ноги. Так, напр., если разбег приходится с левой стороны, то толчок делается правой ногой и наоборот. При перелете через планку проще сначала перенести ближайшую кней ногу, а затем и следующую (как бы перешагивать). Это проделывается в тот момент, когда поясница прыгуня будет на уровне планки. Корпус делает сильный наклон вперед и пригибается к ногам. Как только тело склонено через планку, корпус расправляется и первый на землю опускается нога, ближайшая к планке, а вслед за ней и вторая.

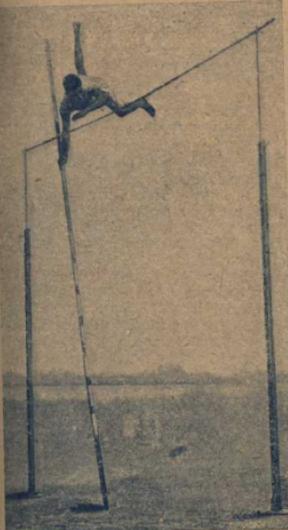
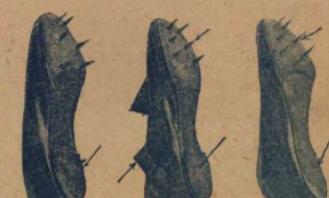
Вот и вся сущность этой техники.

За границей более употребительны прыжки так называемые «американские», где берется правой ногой разбег и ноги прыгнула над планкой предают сложные движения, напоминающие работу ножниц, а также «хорринг», где разбег косой, но отталкивание производится в б и ж к планке ногой; тело при полете через планку, как бы перекатывается через нее. Техника «хорринг» американец Обстор установил мировой рекорд, прыгнув выше своего роста 2 м. 02 сант. Желающим изучить эти два последних способа прыжков надо достаточно хорошо уяснить специальную литературу и подготовиться практике.

Однако из самых трудных, по технике, номеров легкой атлетики считаются прыжок с шестом, помимо всех данных, которыми должен обладать легко-атлет (хорошая мускулатура, гибкость, выносливость и т. д.) должен еще быть смелым и решительным. Терпеливая техника дает возможность делать прыжки за 4 метра. А это уже известный рекорд смелости. Прыжок производится при помощи бамбукового шеста, конец которого вделан острой стальной нарезкой.

Техника прыжка сводится к следующему: при первом отталкивании левой ногой, прыгун держит шест правой рукой в верхней части и левой рукой — ниже. Пальцы на правой руке расположены вверх, а на левой — вниз. Держа перед собой в таком положении шест, прыгун делает разбег, ровный, четкий, с усилением к концу.

ТРИ ТИПА ТУФЕЙ, употребляемых в легкой атлетике: сплошная туфля для бега; слева — туфля специально для прыжков — она имеет в каблуке дно шина, чтобы нога не скользила при толчке; в середине — туфля для кросс-коуница с твердым каблуком

ПРЫЖОК С ШЕСТОМ: прыгун взлетел в воздух, пересек планку и отталкивается шестом от себя, чтобы опуститься на землю (стиль «нонзинк»)

будет мягких, пружинистых. Рука, противоположная отталкивавшей ноге, держит с предплечьем резко выбрасывающейся вперед, согнутую в локте, под углом. В этот момент тело прыгунка вновь позиция свободного маяка: отрывается от доски и летит в воздухе. Во время полета тело склоняется в комок, корпус наклоняется вперед, центр тяжести тела находится возможно выше над землей. Ноги, согнутые в коленях, подтягиваются и почти касаются подбородка; руки опущены книзу и назад. При приземлении прыгун опускается на согнутые ноги, падая на пятки, выбрасывая ноги вперед.

Вот это наиболее простой способ прыжка в длину с разбегом. Таким стилем американец Гуттерсон достиг результата — 7 м. 60 сант. и выиграл на олимпийских играх в Стокгольме в 1912 году.

подзатыльник

МИЛЛИОНИЩИК

(Перенос со стр. 6)

НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ

о ПУШАС, рисунок П. РЮМКИНА

ЧЕЛОВЕК живет, выполняет возложенное на него обязанности, аккуратно ходит на собрания, отдает долги и вообще делает тысячу подобных глупостей.

Все это с ним происходит до тех пор, пока у него не появляется идея.

У вас никогда не было идей? Если она появится, советую вам последовать примеру тех подражателей Есенина, которые унаследовали от своего учителя только один талант—вешаться.

Ибо человек с идеей—человек конченный.

* * *

Как только Андрей запер за собой дверь моей комнаты, на меня обрушился целый кавардак мыслей, идей, образов, слов и всего такого прочего, чем занимается человек, когда у него много свободного времени.

— Ты не читал Фрейда?—удивился Андрей,—нет, скажи, ты самым серьезным образом не читал ни одной его книжки?

— Не читал, —унуло признался я.
— Ну, так слушай. Фрейд говорит, что в нас существует два мира—один сознательный, а другой бессознательный. Допустим, ты вдруг что-нибудь забыл. Отчего? Оттого, что тебе неприятно вспоминать эту вещь.

— Это, положим, ты врешь,—рассудительно сказал я,—мы сейчас до зарезу нужно вспомнить Васькин телефон, а он как на грех из головы выскочил.

Андрей задумался.
— Как фамилия твоего Васьки?—спросил он, помолчав.

— Свистунов.
Лицо Андрея моментально прояснилось.

— Чудак ты! Так это же яснее ясного. Фамилия твоего Васьки ассоциируется со словом «свистун». Значит тут что-то неприятное кроется. Не случилось ли у тебя неразгаданной пропажи?

В этом он, действительно, был прав. Когда я жил на восьмом этаже, у меня пропал двугривенный. Тогда мне казалось, что я его потерял, тем более, что он лежал в разодранном кармане. Но теперь, после этого разговора, я твердо уверен: эти деньги у меня были свистунты.

— Здорово, ребята!—влетел в дверь Шурка,—ну, и знатно же я вчера день провел. Целый день лежал на этой самой луже... или как ее, поляне. Хорошо!

— Ага, ага,—встрепенулся Андрей,—а почему ты вместо поляны сказал—лужайка?

— Действительно, почему?—задумался Шурка.

— А потому, что лужайка похожа на лужу, а когда вспоминаешь о луже, сразу вспоминается грязь. Вот ты и хотел сказать грязное слово, а потом сказал другое.

Я начал сердиться. Мне надоело этот разговор. Кроме того, я с утра ничего не ел. Я пошел на кухню и стал зажигать примус.

Примус шипел так подозрительно, что моя соседка старуха моментально отскочила.

— У вас не найдется этой самой, ну как ее там,—для того, чтобы она поняла, что я хочу, я щелкнул пальцами,—иголки?

Иголку я получил, но мое настроение было вконец испорчено. Забыл я иголку, очевидно, потому, что вчера уколол себе пальцы...

Яничину мы с'ели. И тут я решил нападти на Андрюшку. Я вынес мусор, вошел в комнату и сстроил похоронное выражение на лице.

— Скандал, ребята, будет,—тут я намеренно оговорился,—сейчас я выкидывал мусор и вместо этого самого мусорного ящика, то есть, плевательницы,—поспешно поправляясь я,—выбросил его на пол...

— А почему ты вместо плевательницы сказал «мусорный ящик»?—набросились на меня ребята.

— Дураки вы,—заржал я,—молодые идиотики. Какого черта вы будете бузить, если я надул вас намерено.

С того случая прошло две недели. Но настроение у меня все еще не улучшилось.

Я не могу дозваться у себя, почему я наврал именно о мусорном ящике. Ведь, наконец, я мог бы взять какой-нибудь другой предмет.

И неспокойно я именно потому, что никак не могу вспомнить—где, когда и при каких обстоятельствах меня ткнули головой в мусорный ящик...

— Что-о?—вытаращил секретарь гла-
за.

— Неужто мало? Ну и уж так и быть еще полстопени накину.

— Но позвольте. Если бы ваша за-
метка была интересна...

— Ну, батюшка, как же не анти-
ресна! Што ж, сотни яиц—это комар, из-
чичал что ли?

— Но вы поймите, что это не интерес-
ный материал.

— Яйца-то? Так я сметанки.

— Да нет! Заметка ваша не интерес-
ная.

Семен начал волноваться.

— То-ись как же это не антиресна?
Яица ему даешь, сметану... Да уж и вол-
холт, шут с тобой, подавись.

— Ах ты, господи,—застонал секре-
тарь, но поймите же...

— Неужто деньги только берете.
Неудобственено!.. Но уж была не была.

Полторы рублевки хватят?

— Вон!—заревел секретарь.—Вон,

чтобы и духу вашего не было.

III

КАНДИДАТУРА юнкора Сергея Ку-
кушкина почти уже прошла в сель-
совет, но вдруг попросил слова Се-
мен Плещков.

— Дорогие граждане, — заговорил Плещков с надрывом и страданием в голо-
се. Да рази-же можно, чтобы мы в наш
трудовой сельсовет выбирали богатея и
мilionщики.

У Сергея Кукушкина душа полезла
от этих слов вон.

— И очень даже просто, граждане, —
продолжал Семен: что этот самый Се-
реяка есть никто иной, как первый среди
нас богач и кулац, еж его в грощ, и по-
тому он есть кулац, который протаскивает
в газетах, еж его в грощ. А его разиж-
бединный человек в состояния. Я вот в оные
веки протащил хотел в газетине, так и то
не осилил, еж их в грощ. Сотни яиц дав-
вал, сметана кирпичу, холста две штуки,
полторы рублевки... и то не стали про-
таскивать. Мало показалось. А он етот
Кукушкин каждый день протаскивает,
еж его в грощ, и хуч бы что. Может он
по два рубля платит, еж его в грощ.
А может и больше. Вон онадьсь ему
платить из газетини прислали, видать
сдачи.

Долой таких мильенчиков! Пущай
катятся подальше, еж их в грощ! Совет
этим не тиатры. Да!

И как Кукушкин не уверял, что ему
платят за заметки, а не он платит, все не-
доверчиво покачивал головами.

— Ну да! Трецись!

— И откуда только он деньги до-
сает?

— Известно, гад!

ЦЕНА № 13—14

“СМЕНЫ” 40 коп.